

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина»

Уральский гуманитарный институт

Кафедра истории философии, философской антропологии,
эстетики и теории культуры

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

НОРМАЛЬНАЯ ТЕЛЕСНОСТЬ: ПРАКТИКИ СВОБОДЫ В FASHION-КУЛЬТУРЕ

В данной диссертационной работе исследуются проблема нормы тела в современной модной индустрии в западноевропейских странах. Поднимается вопрос о практиках сопротивления этой норме. Декларируемая свобода нормальной телесности ставится под сомнение, главным тезисом выдвигается усиление контроля над телом в современной fashion-культуре.

Научный руководитель:
Юрлова С.В., кандидат философских наук,
доцент

подпись

Нормоконтролер: Бурбулис Ю.В.

подпись

Студентка группы УГИМ-210060
Жукова М.В.

подпись

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ОПЫТ РАЗГОВОРА О ТЕЛЕ: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ТЕЛА И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ М.ФУКО И Б.ЛАТУРА	8
1. 1. Концепт «тело» в истории мысли.....	8
1.2. Биовласть и тело в теории М.Фуко.....	17
1.3. Сближение фукианского подхода с акторно-сетевой теорией: динами- ческое тело и множественность дискурсов.....	20
ГЛАВА II. НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ: ЗАКРЕПОЩЕНИЕ РАЗНЫХ ТЕЛ. 29	
2.1. Влияние врачебных практик на модное тело.....	29
2.2. «The Body Positive»: борьба за тело в fashion-культуре.....	36
2. 3. Нормализация различий – тело под контролем.....	46
ГЛАВА III. ГЕНДЕРНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В МОДНОМ ТЕЛЕ.....	58
3.1. Тело во власти гендера.....	58
3. 2. Проницаемые границы маскулинного и феминного тела.....	62
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	78
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	85

ВВЕДЕНИЕ

В начале XX века человечество вступает в эпоху глобальных перемен. С технологической революцией начинает расширяться разнообразие культурных практик, перестраиваются социальные структуры, прежние установки подвергаются сомнению. Меняется мышление и образ жизни людей. На смену империям приходят национальные государства. Наука открывает новые горизонты в области физики, химии, биологии. Медицина начинает все больше брать под свой контроль частную жизнь человека. Развивается фармакология, косметология, психиатрия. Техника и новые технологии становятся неотъемлемой частью повседневности современного человека, в XXI веке активно начинает использоваться Интернет и компьютер.

С углублением знаний об мироустройстве человек все острее начинает испытывать потребность в осознании ценностных оснований своего бытия и раскрытия базовых принципов своего поведения, которые неотделимы от телесных практик. Поэтому сегодня человек находится в поиске нового соматического сознания, которое бы соответствовало новому духу времени и отвечало бы на запрос нового опыта взаимодействия с телом. В связи с этим развиваются телесные практики, образующие ценностные отношения со своим телом, формируются новые соматические представления о теле. Д.Харауэй называет тело предметом познания, порождающий «материально-семиотический узел»¹.

В теории мысли все чаще появляется идея о том, что тело является инструментом формирования личной идентичности и организации социальных связей. Тело становится значимым и востребованным в современном мире, философия все больше признает тело точкой приложения различных сил, ареной политических игр и результатом социокультурных практик. Поэтому настоящее исследование будет сосредоточено на fashion-культуре,

---

¹ Haraway D. Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective // Studies Feminist. 1988. Vol. 14. № 3. P. 575-599.

так как моду в широком смысле этого слова можно помыслить как культурное конституирование телесной идентичности. Все вышесказанное свидетельствует об **актуальности** и теоретической значимости темы настоящей магистерской диссертации.

Степень научной проработанности темы. Проблему телесности ставят впервые античные авторы – Платон, Аристотель, Пифагор, Эпикур, Спиноза и другие. В Средние века тело осмысляют как божественный замысел Фома Аквинский, Боэций, Св. Августин. В Новое время тело понимают как материальную протяженность Р. Декарт, И. Кант, Лейбниц. Ф.В. Ницше открывает в теле волю к власти, наделяя тело большей значимостью. З. Фрейд открывает тело как инструмент бессознательного. Последователи психоанализа М. Де Серто и Ж. Лакан связывают тело со структурами мышления. Феноменология Э. Гуссерля задает ориентиры для исследования тела в качестве воплощенного значения, определяя в дальнейшем философию тела М. Мерло-Понти. Антропологи М. Мосс, Н. Элиас, Л. Февр, М. Блок рассматривают техники тела, обращая внимание на тело в качестве инструмента. Структуралистский анализ видит тело как социокультурный код, лишает его всяческой материальности и превращает тело в знак. В этом направлении работают семиотик Р. Барт, постмодернисты Ж. Делез и Ф. Гваттари. М. Фуко видит в теле микрофизику власти. Его последователи Дж. Батлер, С. Риджвэй, К. Уэст, Д. Зиммерман пишут о конструировании гендерных идентичностей посредством телесных практик. Б. Латур и Дж. Ло разрабатывают акторно-сетевой анализ, где тело выступает в роли силы, которая способна породить новые сущности и вносить изменение в сети. А.М. Мулен понимает тело с точки зрения медицины, она ставит вопросы о границах здоровья и болезни в современности. А.М. Зон анализирует тело в качестве сексуального объекта. П. Ори рефлексировал на тему диетологии, косметологии и гигиены. В исследовании Ж. Вигарело затрагиваются вопросы о росте сенсорности в спортивном пути тела. Ж.-Ж. Куртин развивает историю и культурную антропологию уродств. С. Одуан-Рузо размышляет о

теле, ввергнутом в войну. А. Сюке, А. де Бек и И. Мишо строят свои исследования тела в рамках искусства кинематографа, танца и изображения.

Однако, перечисленные авторы не затрагивают тему изменения нормы телесности в fashion-индустрии. Тело в аспекте властных отношений в моде на данный момент является перспективным полем для исследования. Теоретики моды Р. Арнольд, Дж. Харви, Дж. Энтуисл изучают историю стилей, их интересует в большей степени одежда. А исследование, посвященное проблеме свободы в модной телесности еще не было достаточно представлено в философии.

Объектом настоящего исследования является нормальная телесность в современной fashion-культуре в западноевропейских странах.

Предметом исследования - практики сопротивления норме тела в модной индустрии.

Положения, выносимые на защиту.

1. Происходит расширение критерий нормы модного тела – его освобождение от прежних требований.
2. Появляются новые стандарты, соответствие которым формирует новую телесность.
3. Прежняя норма подвергается критике и на ее место приходит новое понимание, которое декларируется как свобода.
4. Свобода нормальной телесности ставится под вопрос, поскольку происходит наложение стандартов старой нормы на новую, тем самым усиливается контроль над телом.

Цель диссертации заключается в том, чтобы проанализировать, каким образом сегодня меняется норма телесности в fashion-культуре под воздействием практик сопротивления этой норме. И показать, что обретение нормального тела – это неоднозначный и противоречивый процесс, в котором есть регулятивные практики и практики сопротивления. Для осуществления этой цели, нам необходимо решить следующие **задачи**:

- 1.1. Рассмотреть концепт тела в истории философии.

1.2. Определить теоретические ресурсы исследования – прояснить понятия «тело», «норма», «практики» и «биовласть» в соответствии с фукианским подходом.

1.3. Провести сближение философского подхода М. Фуко с акторно-сетевой теорией Б. Латура. Дополнить фукианский словарь понятиями «актор», «сети» и «артикуляция».

2.1. Применить методологию Б. Латура и М. Фуко к fashion-культуре: обнаружить влияние медицинских дискурсов на норму тела в модной индустрии.

2.2. Проанализировать формирование новых стандартов нормы модного тела благодаря бодипозитиву, который выступает в роли сопротивления биовласти в fashion-индустрии.

2.3. Выявить напряжение, которое создается между практиками нормализации и сопротивления, в результате которых производится новый тип тел.

3.1. Показать развитие гендерных исследований в социальном знании и их влияние на мужскую и женскую идентичности в fashion-культуре.

3.2. Рассмотреть практики fashion-культуры, конструирующие гендер. Проанализировать современную трансформацию гендерной телесности под воздействием практик сопротивления.

Методологической основой исследования послужили теоретические ресурсы М. Фуко и его последователей Дж. Батлер, С. Бартки, С. Риджвей – ими уже были разработаны концепции социальных практик, которые выступают как рассеянные стратегии биовласти. Они создают критерии нормы, которые производят телесность. Однако, в фукианском подходе недостаточно проработана философия вещей, поэтому к настоящему исследованию подключается симметричная антропология или акторно-сетевая теория Б. Латура и Дж. Ло, которая уравнивает в правах технологии, людей и не-людей. Симметричная социология в основном работает с историей науки, но в настоящем исследовании мы не будем касаться этой темы, а возьмем основные аспекты данного подхода: семиотический инструментарий и плоскую онтологию. Для анализа нормы телесности в fashion-культуре нам будет

важно отталкиваться от такого постулата в акторно-сетевой теории, как построение связей между акторами на основании действия, что позволит нам совместить обе теории.

Гипотезы, доказанные практическим путем. Изменения нормы тела в fashion-культуре происходят за счет практик сопротивления, осуществляемых ассоциациями врачей, политических деятелей, ученых и деятелей искусства. В настоящем исследовании предполагается, что новые стандарты тела, установленные революционными силами, накладываются на прежние стандарты биовласти, усиливая тем самым контроль над телом. Таким образом, провозглашенное освобождение тела не происходит, вместо этого осуществляется наложение стандартов новой нормы на старую.

Теоретическая и практическая значимость направления магистерской диссертации. Теоретическая значимость работы состоит в попытке сближения философского подхода М. Фуко и акторно- сетевого анализа Б. Латура, и в применении их методологии к fashion-культуре. Практическая значимость заключается в том, что исследование будет полезно в образовательной и научной сфере: в социологическом знании и философии культуры.

ГЛАВА I. ОПЫТ РАЗГОВОРА О ТЕЛЕ: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ТЕЛА И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ М.ФУКО И Б.ЛАТУРА

1. 1. Концепт «тело» в истории мысли

Прежде, чем начать разговор о новой телесности, необходимо рассмотреть историю рефлексии тела и взглянуть на то, какую роль играло тело в жизни людей в прошлом. То, каким образом понимали телесность наши предшественники и как они обращались со своими телами, поможет нам разобраться в настоящем положении дел нашего тела.

Точкой сборки концепта тела можно обозначить эпоху Античности, от которой европейская культура унаследовала многие практики и установки, живущие в нас и по сей день. В культуре Древней Греции наблюдается повышенное внимание к атлетичности тела. Регулярное проведение Олимпийских игр и их статус священного мероприятия являются тому доказательством. Зародившиеся как религиозный культ, игры проводились только среди граждан, то есть среди субъектов, активно практикующих политическую жизнь. Чтобы попасть на игры, участникам следовало регулярно упражняться в гимнастике и атлетике. В этих требованиях воплощается принцип «калокагатии» или стремления человека к гармоничному развитию эстетических и этических сторон человека. Платон в диалоге «Тимей» словом *καλός* обозначает красоту тела, а *ἀγαθός* — души². Затем Аристотель развивает это понятие в «Евдемовой этике»³ и определяет калокагатию как совершенную добродетель. Тело понималось как микрокосм⁴, то есть уменьшенная копия чувственного Космоса, лежащего в основании картины мира Древней Греции.

---

² Платон. Диалоги. М.: Академический проект, 2015. С. 348.

³ Аристотель. Евдемова Этика. М.: Ифран, 2013. С. 236.

⁴ Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. С.141.

Идея гармонично развитого человека была популярна среди эллинов и считалась нормой. А значит, древние греки уделяли большое значение своему телу. Об этом свидетельствует и хорошо сохранившиеся скульптуры древних мастеров – одно из высочайших достижений культуры Античности. Мирон, Фидий, Поликлет – авторы статуй, эстетическая ценность которых сегодня считается эталоном классического искусства.

Однако в Античности существуют примеры, когда тело оказывается предметом критики. Пифогорейцы развивают метафору тела как темницу души. Объективный идеализм Платона и Сократа разрывают тело и душу на две противоположности: отныне душа принадлежит подлинному миру эйдосов, а тело становится бледной копией души, обреченной на несовершенство из-за своей материальности.

Античная культура, таким образом, воспевала телесную гармонию, которую поддерживалась дисциплиной тела и репрезентацией эстетичности его форм в искусстве и в социальных практиках. Нормальным считалось тело политическое и атлетическое. В то же время существовала противоположная точка зрения, которая считала, что тело закрепощает ум, и чтобы быть свободным, необходимо упражняться в смерти, то есть в философии, тем самым укрощая свое материальное начало.

В эпоху раннего Средневековья идеал человека воплощался в образе монаха, умерщвлявшем свою плоть. Аскетизм считался одной из высшей добродетелью. Тело становится предметом презрения и уничтожения, поскольку путь к спасению в христианстве пролегает через телесное покаяние. Если телесность соответствовала стремлению к божественному началу, то она автоматически наделялась ценностью. Бонавентура писал о различии полов. Он объяснял это явление тем, что таким образом выражается стремление человека к совершенству, и именно поэтому это различие сохраняется и после воскрешения в Царстве Небесном⁵. Святой Фома Аквинский подчеркивал, что в телесном наслаждении можно обнаружить благо, если оно вто-

---

⁵ Ле Гофф Ж. Н.Трюон. История тела в Средние века. М.: Текст, 2016. С.29.

рит разуму во имя высших наслаждений духа, так как страсти позволяют укрепить духовный порыв⁶.

Таким образом, нормальность тела в Средние века черпала свое содержание из аскетизма, телесного покаяния и укрощения страстей посредством молитвы. Практики сопротивления средневекового нормального тела содержались в карнавальной культуре, где тело было погружено в шумные уличные шествия, яркие театрализованные представления и маскарадные переодевания, то есть в практики праздника. Шуты и шутство являлось выражением крайней свободы поведения и телесной репрезентации. Разрешалось развернуться телесным страстям в полную силу: упиваться вином, веселиться, танцевать, и не думать в это время про духовные ценности и поклонение богу.

В Новое время онтологический разрыв души и тела достигает своего апогея. Р. Декарт окончательно разрывает связь между ними, отводя телу второстепенное место, а разум и душа объявляются абсолютными благодетелями. Картезианский дуализм материальной протяженности и духовной создающей силы предполагает строгую дизъюнкцию: одно исключает другое. Тело для Р. Декарта – это игра физиологических соков и газов, мешок со слизью и костями, что сводит тело к пассивной вещи.

Эпоха модерна видит тело как материальность, которую необходимо подавлять силой разума, иначе страсти, кипящие внутри плоти, вырвутся наружу и затуманят чистый разум. Такая установка сформировалась еще в Средние века, когда тело было интересно лишь как источник страстей, которые нужно обличать и не допускать до своего выражения. Только сильный духом, крепкий верой может достичь Царства Небесного в христианской догматике.

Раскол мира на материю и идею в человеческом мышлении, начавшийся еще в Античности, нашел свою завершенность в проекте эпохи Просвещения. Дихотомия между телом и разумом является вариацией этого глобаль-

---

⁶ Ле Гофф Ж. Н. Трюон. История тела в Средние века. С.31.

ного разделения. Идея характеризуется постоянством, цельностью и подлинностью, в противоположность ей выступает раздробленная материальность, которая по своей сути конечна и несовершенна. По той же логике бинарных оппозиций мыслители разделяли существующее на природу и культуру, субъект и объект, рацию и тело. И даже когда начала формироваться социальная теория, рационалисты объявили войну социальным философам, указывая им на их область знания: путанное и хаотичное социальное не должно вмешиваться в порядок и чистоту рационального.

Такое жесткое разделение неразрывно связано с онтотеологией. Она предполагает, что есть подлинное единое разумное основание, которое, обременяясь материальным, становится множественным и искаженным. Отсюда следует, что материальное становится ущербным, уподобляется субъективному как преходящему и иллюзорному. Таким образом, в эпистемологии материальное становится достойным для изучения лишь ради одной цели: чтобы выявить дефекты и иллюзии в познании и исключить субъективные погрешности в измерении единой подлинной реальности. В такой философской парадигме у тела незавидная судьба. От тела требуется быть слугой разума, безоговорочно подчиняться, стараясь проявлять себя только как носитель рацию.

Однако про тело не забывали: его красоту воспевали в Ренессанс, когда начали возрождаться античные ценности, и в эпоху романтизма, когда возникла первая современная гимнастика – немецкий Turnen. И, наконец, на рубеже XIX и XX веков возобновились олимпиады, и популярность обрели естественное движение и свободный танец.

Именно в это время отношение к телу начинает постепенно меняться. Первый, кто определил ценность тела был Ф.Ницше. В своем произведении «Так говорит Заратустра» мыслитель предлагает иначе взглянуть на тело, чем видели это сторонники картезианской мысли: «"Я тело и душа" - так говорит ребенок. И почему не говорить, как дети? Но пробудившийся, знающий, говорит: я - тело, только тело, и ничто больше; а душа есть только слово

для чего-то в теле. Тело - это большой разум, множество с одним сознанием, война и мир, стадо и пастырь. Орудием твоего тела является также твой маленький разум, брат мой; ты называешь "духом" это маленькое орудие, эту игрушку твоего большого разума»⁷.

Ф. Ницше вдыхает жизнь в «мертвое» тело модерна. Он ставит на первое место в своей философии волю к власти, вместе с которой приходит осознание важности здоровья тела в жизни любого человека. Дух и бессмертная душа, по мнению мыслителя, были изобретены лишь для того, чтобы тело презирали, чтобы оно болело, и только так оно могло стать святым. А то, что является жизненно необходимыми практиками поддержания витальной силы тела – питание, обустройство жилища, правила гигиены, лечение больных, вопросы климата – подвергалось легкомыслию со стороны классической философии.

Вслед за ницшианством происходит оформление психоаналитической мысли. Благодаря учению З. Фрейда психоанализ восстанавливает связь психических структур с телом. Тело становится проводником бессознательного, что открывает дорогу для будущих исследований тела в философии и других дисциплинах. По мнению А.А. Тороповой, «если Платон сводил сущность к его душе, а тело было случайным элементом, то с развитием психоанализа картина изменилась: тело стало частью идентичности, а в радикальном смысле, присущем духу Ницше, душа стала трактоваться производной от тела»⁸.

Осознание субъектности в теории З. Фрейда берет свое начало в телесном переживании. Благодаря принципам удовольствия и боли множественное тело собирается в целостное представление о собственном «Я». Далее эту мысль развивает Ж. Лакан в теории зеркала. В ней идентичность человека складывается из совокупности индивидуальных переживаний, психических процессов, глубоко укорененных в теле. Реальное тело для человека недоступно, мы всегда имеем дело лишь с фантазматическими представлениями о

---

⁷ Ницше Ф.В. «Так говорил Заратустра». М.: АСТ, 2015. С.345.

⁸ Торопова А.А. Европейский проект конструирования новой телесности: тело-мутант, тело-без-органов, агендерное тело // Философия и культура. 2020. №1. С.56.

теле. Целостный его образ возникает лишь тогда, когда человек, видя свое отражение в зеркале, собирает отдельные части тела воедино. При взгляде в зеркало происходит отчуждение, появляется Другой, на фоне которого начинает вырисовываться собственное «Я». Так, согласно концепции Ж. Лакана, идентичность складывается из опыта переживания воображаемой тождественности себя с Другим - отражением тела в зеркале.

Тело становится предметом обсуждения не только в психоаналитических кругах, о нем начинают говорить и феноменологи. Э.Гуссерль художественно нарекает тело «первоначальной колыбелью» любого значения. А вслед за классиком немецкой феноменологии французский мыслитель М. Мерло-Понти развивает свою версию феноменологического тела. Определением его становится воплощенное сознание, способное раскрываться в пространстве и во времени как «оси мира»⁹. М. Мерло-Понти замечает: «Наше столетие стерло границу между «телом» и «духом» и признало, что человеческая жизнь, будучи от начала и до конца и духовной, и телесной, всегда опирается на тело»¹⁰. Феноменология делает шаг навстречу возвращению тела субъекту. Антропология XX века позволяет включить тело в разговор о социально-культурных формах. То, каким образом люди пользуются своим телом в разных обществах, становится предметом исследования М. Мосс в Первой Мировой войне. Различия в способах использования своего тела – «техники тела» - ложатся в основу культурного многообразия.

После Второй Мировой войны все увереннее начинают звучать идеи структурализма. Структурализм в широком понимании этого термина выдвигает своим основным тезисом отрицание глубинных принципов модерна, поэтому еще его называют постмодернизмом. Абсолютная истина подвергается критике, на смену ей приходит плюрализм смыслов. Фокус философского взгляда смещается с означаемого на означающее. Постмодернизм превращает мир в текст, в котором правят знаки и коды, а вместо единого основания бытия французские теоретики говорят о структурах и системах. Дей-

⁹ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. М.: Ювента; Наука, 1999. С. 119.

¹⁰ Мерло-Понти М. Знаки. М.: Искусство, 2001. С. 261.

ствительный мир заключается в скобки, а на место объективного знания приходит множество дискурсов. Структурный анализ лишает тело материальности, оставляя только его знаковую форму бытия, теперь тело – это социокультурный код.

Р. Барт в своей книге «Семиотика: Поэтика» тематизирует тело следующим образом: «Что же это за тело? Ведь у нас их несколько; прежде всего, это тело, с которым имеют дело анатомы и физиологи, - тело, исследуемое и описываемое наукой; такое тело есть не что иное, как текст, каким он предстает взору грамматиков, критиков, комментаторов, филологов (это фено-текст). Между тем, у нас есть и другое тело - тело как источник наслаждения, образованное исключительно эротическими функциями и не имеющее никакого отношения к нашему физиологическому телу: оно есть продукт иного способа членения и иного типа номинации»¹¹. Текстуальность насквозь пронизывает понятие тела в работах постмодернистов. Но и телесность проникает глубоко внутрь текста: «текст обладает человеческим обликом; быть может, это образ, анаграмма человеческого тела?»¹², - заключает Р.Барт.

Ницшианское переосмысление связи между телом и субъектом получило радикальную трактовку в «Анти-Эдипе» Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Авторы совместно разрабатывают понятие «тело-без-органов», схожее по своим свойствам с децентрированным текстом, чьи значения открыты для множественной интерпретации. Сам концепт «тело-без-органов» был позаимствован у поэта и основателя театра жестокости А. Арто из его радио-постановки «Покончить с Божьим судом»¹³.

Отказ от поиска одной единственно верной трактовки реальности позволяет постмодернистам совершить деконструкцию. Ее основным принципом становится разрыв функции со структурой. Поэтому модернисткой ме-

---

¹¹ Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 432.

¹² Там же. С. 467.

¹³ Подорога В. А. Тело без органов // Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. С. 756.

тафоре организма как стабильной системе органов с определенными функциями Ж. Делез противопоставляет ризоморфное «тело-без-органов».

Концепция тела-без-органов, подчеркивает М.А. Можайко, была сформулирована еще у Ф. Ницше в «Генеалогии морали»: «Любой орган (равно как физиологический или психический навык) не есть фиксированный результат телеологически понятой (линейной) эволюции ("глаз-де создан для зрения, рука-де создана для хватания"), но представляет собою лишь случайное и ситуативное проявление внутреннего созидательного потенциала воли к власти»¹⁴.

Вместо понятия организма как производства приходит тело-без-органов, являющимся «средой чистой интенсивности»¹⁵, обладающей текучестью и множественностью. Ж. Делез и Ф. Гваттари предлагают говорить о «пустом теле», способном к вариативной самоконфигурации в противоположность организму, чья стабильность закрепленного значения равна смерти. М.А. Можайко находит параллели между пониманием тела Ж. Делезом и текстами постмодернистов: «Семантическая фигура "пустых тел вместо наполненных" у Делеза и Гваттари аналогична семантической фигуре "пустого знака" в постмодернистской текстологии, основанной на радикальном отказе от идеи референции»¹⁶. Отрицая функционализм, а именно конкретность тела и постоянство форм, Ж.Делез и Ф.Гваттари открывают дорогу к свободному выражению тела, провозглашая его изменчивость и пластичность.

В 1960-х М.Фуко концептуализирует тело как инструмент социальных практик. Он помещает тело в политический дискурс - теперь тело осуществляет дисциплинарную власть и участвует в нормализации, подчиняясь биовласти. Категория «нормы» становится отправной точкой биовласти: всякое тело может быть отредактировано дисциплиной и стать нормальным. М.

---

¹⁴ Можайко М.А. Тело без органов // Новейший философский словарь / под ред. А.А. Грицанова. Мн.: Книжный Дом. 2003. С. 1031.

¹⁵ Гваттари Ф. Делез Ж. Анти-Эдип. Спб.: У-Фактория, Астрель, 2010. С. 453.

¹⁶ Можайко М.А. Тело без органов. С. 1031.

Фуко это показывает на примере работы психиатрических больниц и тюрем, где тело становится точкой приложения власти. В 1970-е годы феминизм наглядно доказывает, что тело может сопротивляться властным структурам. Активисты используют тела в качестве политического протеста, защищая права на свое тело.

Вместе с этим начинают развиваться гендерные исследования. Дж. Батлер предлагает рассматривать пол как одну из категорий социальной нормы. С. Риджвэй, К. Уэст, Д. Зиммерман сосредотачиваются на изучении исполнений идентичностей. Тело мыслится как продукт социокультурных практик, которые диктуются властью, традицией и законом. Так формируется новое направление в науке - *Body & Sexuality Studies*, которое анализирует различные проблемы телесного и сексуального опыта в рамках властных отношений.

Исследование тела и сексуальности отталкивается от того, что патриархальные режимы, действующие на пересечении классовых, гендерных возрастных и других различий, задают стандарты телесности и сексуальности. Ускоренный темп развития технологий в сфере медицины, науки и техники, а также сетевых коммуникаций имеет своим последствием зарождение киберфеминизма Д. Харауэй. В работе «Манифест киборгов» исследовательница излагает программу для нового направления мысли. Отметая прежние границы между человеком, машиной и животным, Д. Харауэй предлагает пересмотреть понятия «гендер», «возраст» и «расу». А тело в ее оптике становится гибридом множественной идентичности, которая образуется различными кодами и модусами.

Под редакцией А. Корбена, Ж.-Ж. Куртина и Ж. Вигарелло выходит в свет работа «История тела. Перемена взгляда: XX век», где современные антропологи и историки культуры многоаспектно изучают телесные практики на Западе. А.М. Мулен рассматривает тело с точки зрения медицины и ставит вопросы о границах здоровья и болезни в современности. Ее интересует научное признание уникальности тела, история медицинских изображений тела

и контроль над ним. А.М. Зон анализирует тело в качестве сексуального объекта, сопоставляет желание и нормы в социуме. П. Ори пытается разобраться в современных тенденциях телесных практик, рефлексировать на тему диетологии, косметологии и гигиены. Ж. Вигарелло анализирует, каким образом сегодня тренируют тело, его интересует рост сенсорности в спорте. Ж.-Ж. Куртин касается такой глобальной темы как «анормальное тело», он развивает историю и культурную антропологию уродств. С. Одуан-Рузо размышляет о теле, ввергнутом в войну. А. Сюке, А.де Бек и И. Мишо строят свои исследования тела в рамках искусства кинематографа, танца и изображения.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что концепт «тело» глубоко историчен и обладает высокой культурной значимостью. Со времен Античности по наши дни накопился обширный материал по философии, раскрывающий сущность человеческого тела. Однако в настоящей магистерской диссертации мы обратимся к теории М.Фуко и Б.Латура, поскольку в их концепции тело обладает привилегированным положением и отражает властные взаимосвязи, результатом которых является тело.

1.2. Биовласть и тело в теории М.Фуко

М. Фуко создает свой постмодернистский проект, в котором переворачивает взгляд на знание и власть в теории мысли. В своей работе «Слова и вещи» мыслитель подвергает критике объективность истины и знания, указывая на их социокультурное происхождение. По мнению М. Фуко, знание исторично, оно определяет социальную структуру и выражается с помощью языка или дискурсивных практик. Таким образом, философ проблематизирует знание и связывает дискурс с властными отношениями. Под такой оптикой культура становится кодом упорядочивания человеческого опыта, а наука – теорией или интерпретацией социального порядка.

М. Фуко вводит концепт биовласти, чтобы объяснить каким образом производится знание. На примере истории психиатрических больниц и тюрем М. Фуко показывает, каким образом тело становится объектом биовласти. Под биовластью понимаются любые властные механизмы, приложимые к человеческому телу. Биовласть не имеет под собой никакой субстанции, и она повсеместна. То есть она проникает во все области жизни, в том числе и повседневность. М. Де Серто в «Изобретении повседневности» об этом пишет так: «Фуко стремится выявить механизмы этой непроницаемой власти, которая никому не принадлежит, не обладает привилегированным местом, не имеет высших и низших, не заключает в себе ни репрессивной деятельности, ни догматизма, которая осуществляется почти автономным образом за счет своей технологической способности распределять, классифицировать, анализировать и пространственным образом индивидуализировать объект, с которым имеет дело»¹⁷. Отсюда следует, что биовласть можно помыслить в качестве рассеянных стратегий, влияющих на организацию повседневной жизни. Именно это влияние обеспечивает ей устойчивость и объясняет ее успехи, в том числе в формировании идентичности. Поскольку власть встроена в повседневность, она участвует в самоопределении, а значит и в становлении идентичности и тела. Так как биовласть постоянно меняется, и является траекторией, ей нельзя обладать или захватить ее как вещь. М. Фуко не приписывает власти интенциональности, так как считает, что она не может быть закреплена за каким «субъектом» и зависеть от чьих-либо намерений. М. Фуко пишет, что, когда мы говорим о власти, «надо видеть в ней сеть неизменно напряженных, активных отношений, а не привилегию, которой можно обладать»¹⁸.

Биовласть сохраняет связность социальной системы, каким образом это осуществляется? М. Фуко, вслед за Ж. Кангилемом, утверждает, одним из

---

¹⁷ Де Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / Пер. с франц. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 146.

¹⁸ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 2015. С. 41.

способов регуляции общества является выработка и установление норм. «Нормальное становится принципом принуждения в обучении с введением стандартизированного образования и возникновением нормальных школ. Оно становится таковым в попытке организовать национальный медицинский цех и больничную систему, руководствующимися общими нормами здоровья. Оно проникает в стандартизацию промышленных процессов и изделий. Подобно надзору и вместе с ним нормализация становится одним из главных инструментов власти в конце классического века»¹⁹.

Для М. Фуко одним из примеров установления стандартов нормы является врачебная практика. Врачи формулируют, что значит быть нормальным, задают нормы поведения, а также приводят пациентов в эту норму. Норма отличается от закона, который предполагает наказание и изоляцию – те, кто не соответствует норме, маргинализируются и вытесняются на периферию социума: «Является ли она новым законом современного общества? Лучше сказать, что начиная с XVIII века эта власть соединилась с прочими властями - Закона, Слова и Текста, Традиции, - навязывая им новые ограничения»²⁰. Оказываясь на границе общества, индивиды лишаются привилегированного положения и стремятся попасть снова в пределы нормы. Поэтому можно сказать, что норма становится тем, к чему индивиды начинают стремиться самостоятельно. М. Фуко пишет, что добровольное исполнение предписаний, установленных нормой, является одной из самых эффективных механизмов биовласти. Исполнение нормы не по принуждению, а по собственному желанию называется интернализацией. «Как пишет Бартки, с патриархальными ожиданиями от женственности, которые действуют сейчас посредством дисциплинарной власти, нет нужды заставлять женщин что-то делать со своей внешностью или одеваться определенным образом под страхом наказания. Большая часть женщин интернализировала желание иметь «нормальное» женственное тело и внешность так же, как и культурный набор идей о том,

---

¹⁹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. С. 269.

²⁰ Там же. С. 234.

что эта нормальность содержит. Поэтому они следуют гендерным нормам по своей воле и часто с удовольствием»²¹.

Интернализация связана с самоопределением субъекта – с его восприятием тела как способа поддержки своей идентичности. Тело воспринимается и выстраивается как проект. В результате интернализации человек по своему желанию действует так, как от него ожидают. Пример из медицины: пациент создает нарратив о собственном состоянии, так как этого ожидает от него врач. Ранее мнение индивидов, на кого была направлена власть, не учитывалось — у них не было права голоса. Однако молчаливый субъект постепенно учился говорить и заявлять о себе. Тогда биовласти пришлось изменить свои действия, и она научилась использовать голоса субъектов на пользу себе. Человек превратился в «признающееся животное» - *confessing animal*, а власть научилась управлять, стимулируя индивида производить о себе подробные рассказы. Появилась самость как инструмент власти. Получается, что нарратив пациентов о себе — это результат развития медицины.

Таким образом, по М. Фуко, биовласть с помощью нормализации и дискурсивных практик осуществляет производство определенных тел, формирует их идентичности и участвует в их самоопределении.

1.3. Сближение фукианского подхода с акторно-сетевой теорией: динамическое тело и множественность дискурсов

А. Молл в работе «Множественное тело» рассуждает о силе связности фукианского дискурса и задается вопросом, почему мы утратили веру в то, что медицина имеет консолидирующую власть. В своих рассуждениях А. Молл критикует положение М. Фуко о том, что социум подражает организмам и тем самым удерживает связность в рамках единой эпистемы. Ис-

---

²¹ Taylor C. The Routledge Guidebook to Foucault's The History of Sexuality. N.Y.: Routledge, 2017. P. 52.

следовательница обращается к Б. Латуру, который утверждает, что какой бы влиятельной ни была медицина или наука, у них нет достаточной власти, чтобы навязывать свой порядок обществу. Пример этому - пастеризация Франции, где научная дисциплина смогла изменить общество. Б. Латур отрицает, что Л. Пастер навязал один единый порядок всем остальным, кто занимал пассивную позицию. Б. Латур превращает всех, вовлеченных в пастеризацию, в активные сущности и называет их «ассоциацией» или сетью. Если научная дисциплина влияет на общество, то это происходит благодаря акторам за пределами лаборатории, которые вступают в ассоциацию с ней.

Так, по Б. Латуру, у науки и медицины нет силы себя навязывать. Актеры могут выбирать из того, что им предлагают, принимать это или нет. И вместо фукианской структуры появляется цепочка ассоциаций, формирующая сети. Связность таких сетей зависит от того, что поддерживает ассоциации. Это вопрос о материальности и практичности, а не логичности. Но и в теории М. Фуко имеется возможность сопротивляться власти – эту способность несет в себе тело, оно может подчиняться, а может и блокировать действие, направленное на него. Также у М. Фуко мы можем наблюдать материальность, с помощью которой происходит организация социального мира, она называется диспозитивом. Как и М. Фуко, Б. Латур децентрирует субъект, описывая производство актора (а значит и тело), в различных модусах упорядочивания. Дискурсы М.Фуко и модусы упорядочивания оказываются взаимозаменяемыми понятиями.

Дж. Ло, сторонник симметричной антропологии, настаивает на разграничении этих концептов, обосновывая это тем, что дискурс необходимо спустить на землю: во-первых, его стоит понимать как набор паттернов, которые можно приписать сетям социального; во-вторых дискурсы нужно употреблять во множественном числе, так как нет одного единого дискурса, их всегда много; в-третьих необходимо рассматривать дискурсы как попытку упорядочивания, а не как сами порядки; в-четвертых дискурсы нуждаются в исследовании: задаваться вопросом как они осуществляются, воплощаются и

проговариваются в разных материалах; и, наконец, в-пятых, так как дискурсов много, и это всегда попытки установления дискурсов, то необходимо ставить вопрос об их взаимодействиях, изменениях и исчезновениях.

На языке АСТ такие дискурсы называются сетью или цепочками ассоциаций. А. Молл пишет, что дискурсы отличаются от сетей по силе, которая удерживает связность дискурса. «Изобретение концепта сети позволяет удерживать связь посредством задействования малых сил, наличие которых аналитик с самого начала не может предполагать, но на которые он должен быть способен указать»²². Кроме силы связности, дискурсы могут отличаться от сетей по протяженности, в этом плане А. Молл указывает на процессуальный термин - модусы упорядочивания, которые позволяют множить один единственный порядок в других сосуществующих и говорить о множестве дискурсов, которые могут взаимодействовать, изменяться и исчезать.

Хоть сторонники АСТ и пытаются оградить себя от понятия биовласти, уходя в сторону от биополитического проекта М. Фуко, концепт биовласти все же продолжает латентно присутствовать в их теории. Б. Латур делает попытку сохранить «свободу слова» при разговоре о теле, но этому мешает власть, которой наделены компетентные люди, работающие с телом. Поэтому для Б. Латура становится важным переопределить тело, чтобы преодолеть понятие биовласти.

Б. Латур понимает биовласть как результат модернистского проекта, существующего за счет авторитета ученых. Пока за учеными признается привилегированный доступ к знанию о мире (и, соответственно, о человеческом теле), они могут свободно подавлять все точки зрения, с которыми не согласны. А также предпринимать репрессивные меры и устанавливать нормы, контролирующие тело. То есть ученые, по Б.Латуру, главные специалисты по телу и источник биовласти.

---

²² Молл А. Множественное тело. Пермь: Гиле пресс, 2017. С. 64.

Авторитет ученых держится на разделении субъективных и объективных качеств²³. Только ученым доступны первичные качества, потому что именно у них имеется привилегия в получении знания. В то время как остальные могут довольствоваться лишь вторичными качествами. Б. Латур ставит перед собой задачу пересмотреть субъект-объектную оптику в философии и снять авторитет ученых. Но для этого ему необходимо переопределить понятие тела. Мыслитель начинает рассуждать с категории «мир», который состоит из пропозиций: «Слово «пропозиция» сопрягает три ключевых элемента: (а) оно обозначает упорство (позицию), которое (b) не имеет никакого определенного значения (это только про-позиция), и (с) она может допустить свое обсуждение в ком-позиции, не теряя своей плотности»²⁴. Получается, что пропозиция не может иметь никаких качеств, поскольку не является какой-либо сущностью. А тело непрерывно обучается быть под воздействием различий, или аффицируемым пропозициями. Суть артикуляции выражается в акте познания: «артикулированный субъект—это тот, кто научается быть аффицируемым (sic) другими,—а не сам по себе»²⁵; «артикулированность... означает быть аффицированным различиями»²⁶.

Артикуляция оказывает влияние не только на тело, одновременно она изменяет и мир: «Артикуляция парфюмерии делает с ароматами самими по себе нечто такое, что оказывается сразу же очевидным, если принять в расчет то несметное множество трансформаций, которым они подвергаются»²⁷. То есть благодаря артикуляции тело обретает способность различать, а мир обогащается новыми сущностями. К примеру, тело с микроскоп научается различать микробов, и в мире появляется знание о них. Это является доказательством того, что тело способно производить новые сущности из того, чем оно аффицируется.

---

²³ Latour B. *Body, Cyborgs and the Politics of Incarnation // The Body* / S. T. Sweeney, I. Hodder (eds). N.Y.: Cambridge University Press, 2002. P. 131.

²⁴ Латур Б. Как говорить о теле? Нормативное измерение исследований науки // *Метаморфозы телесности: сб. ст.* СПб.: РХГА, 2015. С. 260.

²⁵ Там же. С. 263.

²⁶ Там же. С. 251.

²⁷ Там же. С. 264.

Тело в акторно-сетевой теории, таким образом, определяется как динамический объект, находящийся в непрерывном обучении, или динамическое тело. Чтобы понять Б. Латура, необходимо принять во внимание, что тело постоянно учится быть аффицируемым, или быть подверженным воздействию пропозиций.

Выключение тела из этого процесса, прекращение обучения, означает смерть: «...иметь тело—значит учиться быть аффицируемым (sic!)... Если ты не вовлечен в это научение, ты становишься невосприимчивым, немым, ты падаешь замертво»²⁸. По мнению Б.Латура, благодаря такой аргументации снимается разделение качеств на первичные и вторичные, а вместе с ними и авторитет врачей и ученых (биовласть), и их дискурсы о теле.

С этим тезисом философа Г. Игнатенкова вступает в дискуссию. В своей статье «Биовласть и плазма: как ковид заставил акторно-сетевого теоретика перестать бояться и полюбить Фуко» она пишет, что переопределение тела Б. Латуром недостаточно для того, чтобы снять со счетов биовласть. Исследовательница приводит несколько причин, почему мыслителю не удается решить эту задачу. Во-первых, пишет Г. Игнатенкова, «хотя тело является живым, только когда включено в процесс научения быть аффицируемым, описание тела в АСТ может схватить только тело, в котором уже что-то закреплено—не-в-процессе обучения. Большие возможности для описания появляются лишь тогда, когда возможных способов действия у тела уже стало больше»²⁹. Б. Латур представляет описание тела посредством тех навыков, которые уже были освоены. «Фокусируясь на теле, всякий непосредственно—или, скорее, опосредованно—будет направлен к тому, что уже осознано телом»³⁰. Отсюда Г. Игнатенкова заключает, что «описать динамику изменения тела предложенным способом пока нельзя. Обеспечением сопротивления биовласти и альтернативой модернистскому проекту мог бы быть

---

²⁸ Латур Б. Как говорить о теле? Нормативное измерение исследований науки. С. 246.

²⁹ Игнатенкова Г. Биовласть и плазма: как ковид заставил акторно-сетевого теоретика перестать бояться и полюбить Фуко // Логос. 2017. Т.31 №2. С. 112.

³⁰ Латур Б. Как говорить о теле? Нормативное измерение исследований науки. С. 246.

такой способ описания тела, который позволил бы схватить именно динамику процесса постоянного обучения, в котором находится тело, а также условия, обеспечивающие эту динамику»³¹.

Второй причиной является то, что Б. Латур видит биовласть как то, что основывается на ложной эпистемологии. Но если мы обратимся к автору концепта биоавласти М. Фуко, то поймем, что в его теории также был развит термин динамического тела: «Человеческую субъективность, как и тело, согласно Фуко, нельзя считать чем-то предзаданным. Она является продуктом властных отношений и постоянно находится в процессе трансформации при посредстве дискурсивных практик»³². Для М. Фуко не существует тела за пределами какой-либо политики, вместе с политикой рождается тело. Власть действует посредством тела, сама суть политического действия заключена в определении режимов производства и воспроизводства тел. И знание, которое сцеплено с властью, регулирует режимы дискурса, посредством которых это тело предьявляется самому себе. Поэтому тело по М. Фуко никогда не прекращает меняться, и способно накапливать в себе практическое знание. И в этом определении тела биовласть продолжает присутствовать, поэтому Б.Латур должен был предложить другое определение тела или биовласти.

Если М. Фуко наделяет властью врачей, то Б.Латур видит источником власти ученых. У Б. Латура ученые чуть ли не единственные, кто производит дискурсы о теле, так как именно они обладают свободным доступом к познанию телесного. Таким образом, биовласть сохраняется в проекте Б. Латура, просто он этого признает. Поэтому мы не будем отбрасывать этот термин, так как он будет важен для анализа производства нормального тела в fashion-культуре.

Если совершить перевод фукианского взгляда на язык симметричной антропологии, то властью будет являться множество стратегических позиций, которые действуют внутри сети. Власть не может создать сеть, по-

---

³¹ Игнатенкова Г. Биовласть и плазма: как ковид заставил акторно-сетевую теоретика перестать бояться и полюбить Фуко. С. 115.

³² Clegg S. Frameworks of Power. N.Y.: Sage Publications, 1989 P. 154.

сколькx она не является самостоятельным актором. Власть направлена на то, чтобы стабилизировать сеть, поэтому способна исключать любые другие виды знания, которые ослабляют связи внутри сети, а также расширять сеть и не давать возможности привлекать новых акторов. И в акторно-теории мы видим, что власть участвует в производстве определенного типа тел. Это означает, что власть формирует тела как свои объекты, в том числе, она производит и саму себя.

М. Фуко как и Б. Латур обращает внимание на возможность действовать и не-людей. Размышляя о преодолении болезней, он ставит на одну плоскость множество гетерогенных существ: «Нет никакого сомнения, что изменение социально-экономических условий, феномен адаптации, сопротивление организма, ослабление самой бактерии сыграли такую же важную роль, как и средства гигиены и изоляция больных. Познания в этой области далеко не полны, но было бы интересным изучить эволюцию отношений между человеком как видом, сферой бактерий или вирусов и воздействием гигиены, медицины, различных терапевтических техник»³³.

Из этого следует, что обретение человеком тела зависит от биовласти, которая диктует, каким тело должно формироваться, через какие практики должно проходить. В противном случае биовласть может предпринять репрессивные меры. Для Б. Латура обретением тела является артикуляция – чем больше тело учится различать, тем больше можно считать тело «обретенным»³⁴.

С развитием знания о теле и укреплением биовласти приходит пониманием того, что «...западный человек мало-помалу узнает, что значит быть видом живого в мире живого, иметь тело, условия существования, статистическую продолжительность жизни, индивидуальное и коллективное здоровье,

---

³³ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Раб. разн. лет. М.: Касталь, 1996. С. 247.

³⁴ Латур Б. Как говорить о теле? Нормативное измерение исследований науки. С. 261

силы, которые можно изменять, и пространство, где они могут быть распределены оптимальным образом»³⁵.

Таким образом, мы попытались сблизить фукианский подход к проблеме тела и акторно-сетевую теорию, обнаружить у них близкие положения, и дополнить их уточнениями из обеих теорий. Разработанный М.Фуко термин биовласти позволяет нам говорить о власти как о рассеянных стратегиях, направленных на стабилизацию сети (или цепочку ассоциаций), внутри которой учитывается не только человеческая агентность, но и материальность вещей. Мы будем пользоваться концептом «сети», подразумевая, что в связи между акторами могут входить и малые силы, и сохраним фукианский термин «дискурсы», в значение которого входит понятие «модусы упорядочивания» в акторно-сетевой теории, имея в виду способность распространяться одному порядку в других сетях. Одним из таких модусов можно считать – нормальное тело в fashion-культуре. Нашей задачей становится описать эти модусы существования и показать, что это не один единственный дискурс, а множество, внутри которого происходит взаимодействие и изменение.

При помощи теории М.Фуко и акторно-сетевому анализу мы определили тело как динамический объект, способный постоянно меняться, а также совершать выбор – подчиняться или сопротивляться биовласти, не только блокируя действие власти, но и перестраивая существующие связи внутри сети. Это происходит благодаря тому, что тело может артикулировать различия и посредством него могут появляться новые сущности. Поэтому тело никогда нельзя назвать завершенным, у него всегда есть возможность претерпеть трансформации и получить новые способности³⁶. Сопротивление биовласти ведет к созданию новых типов тел, не структурированных существующими в этой сети отношениями.

---

³⁵ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. С. 247.

³⁶ Blackman L. The Body. The Key Concepts. Oxford: Berg, 2008. P. 17.

ГЛАВА II. НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ: ЗАКРЕПОЩЕНИЕ РАЗНЫХ ТЕЛ

2.1. Влияние врачебных практик на модное тело

В этой главе мы обратимся к истории и опыту fashion-культуры. Нашей целью будет рассмотреть практики, формирующие новую норму тела посредством сопротивления старой, и ответить на вопрос, является ли новая норма некой формой свободы. Как отмечает К. Глигоровска: «мода – сложное явление, она существует помимо рынка и включает конструирование и презентацию индивидуальных образов, хотя и не сводится к ним»³⁷. Это означает, что мода является культурным конституированием телесной идентичности.

Как перевести методологию М. Фуко и Б. Латура на современные реалии и разобраться, каким образом устроены сети и власть в fashion-культуре, ведь философы изучали биовласть, источником которой они считали деятельность врачей и ученых?

Совершить перевод из медицинско-научной сферы в индустрию моды и культуру нам поможет концепт биовласти. В предыдущей главе мы определили, что биовласть характеризуется рассеянными стратегиями, влияющими на организацию повседневной жизни. Именно это влияние объясняет ее действенность в формировании идентичности. Поскольку власть встроена в повседневность, то она участвует в самоопределении, а значит и в становлении телесной идентичности.

Используя теоретические ресурсы акторно-сетевого анализа, fashion-культуру мы можем рассматривать в качестве сети, связь внутри которой осуществляется действиями акторов. В этой цепочке взаимодействий будут важны все: как модельеры и журналисты, диктующие модные стандарты, так и исполнители и «носители» модных тел – модели, потребители, космето-

---

³⁷ Глигоровска К. Таинственный ящик Пандоры // Новая норма. Гардеробные и телесные практики в эпоху пандемии / Под ред. Л. Алябьевой. М.: НЛЮ, 2021. С практики в эпоху пандемии / Под ред. Л. Алябьевой. М.: НЛЮ, 2021. С. 64.

логи, массажисты, фотографы, тренера – все специалисты, кто работает непосредственно с телом.

Поскольку в АСТ актерами могут являться не только люди, то мы включаем в цепочку ассоциаций также материальные предметы и технологии, такие как одежда, косметика, фотоаппараты, компьютеры, интернет и печать. Голландская исследовательница А. Молл называет нечеловеческую агентность малыми силами, которые способны оказывать влияние наравне с большими силами, а значит и перестраивать сети. Так как к телу для исполнения идентичности мы добавляем одежду, аксессуары, обувь, гаджеты, косметику и протезы – это все становится частью тел и дополняет сети материальными актерами.

Каким образом сеть fashion-культура, имеющая столько акторов, способна удерживать свою связность? Если в медицине и науке источником силы биовласти считались врачи и ученые, то в моде биовластью мы можем наделить модельеров и журналистов. Этим акторов мы можем рассматривать в качестве биовласти той причине, что они способны поддерживать стабильность fashion-культуры, исключать или добавлять акторов в сеть, создавать новые сущности и дискурсы.

Отсюда следует, что мы обнаружили биовласть модной индустрии. Ее механизм действия будет определяться интернализацией, а не режимами навязывания и контроля, как это происходит в медицине и науке. Но это не уменьшает степень влияния власти на обретение определенных типов тел, скорее, наоборот, усложняет возможность сопротивляться желанию (одному из самых успешных инструментах биовласти), которое лежит в основе работы fashion.

Как и любая сеть, мода имеет способность к изменениям, она не может оставаться застывшей структурой. Р. Арнольд в работе «Мода, желание и тревога» подчеркивает роль моды в становлении идентичности тела, указывая на ее динамичность: «Мода отражает идеи, связанные с телом и его репрезентацией, а также участвует в создании этих идей. <...> Она представ-

ляет собой пространство, в котором создатели и потребители образов могут экспериментировать и бросать вызов общепринятым представлениям о демонстрации тела. <...> Мода отражает наши надежды на будущее и наши страхи, искушает потребителей новыми идентичностями, которые меняются от сезона к сезону и соответствуют разорванным нравственным принципам разных социальных групп и ощущению социальной нестабильности»³⁸.

Одной из основных ролей моды является определение идентичности субъекта посредством наборов практик, конституирующих телесность. Главным инструментом моды становится интернализация желания - индивиды присваивают себе образы, которые транслирует модная индустрия. Благодаря этому формируется норма, к которой люди стремятся добровольно, а нахождение на периферии нормы воспринимается чем-то нежелательным.

Если М. Фуко и Б. Латур видят власть во врачебной и научной практиках, то в модной индустрии авторитетом наделяются модельеры, создающие модные образы и отбирающие модели для своих показов, и журналисты, имеющие право высказываться в модных СМИ. Это означает, что те и другие способны артикулировать знание о привлекательной телесности и устанавливать определенные различия. Журналисты и модельеры создают нарративы о привлекательном теле. За ними закрепляются нормы человеческого тела, которым стремятся соответствовать остальные акторы модной культуры. Модельеры и журналисты наделяются исключительным правом высказываться, каким трендам необходимо следовать, какие практики нужно исполнять, чтобы оставаться привлекательным. Более того, модельеры производят одежду, что материально формирует идентичности людей. Фотографы же создают визуальный контент, на который опираются стандарты нормы.

Нормальное тело в fashion-культуре – это такое тело, к которому акторы стремятся самостоятельно, поскольку их желание интернализировано биовластью посредством модного медиа и показов. Мы знаем, что тело динамично, оно способно обучаться и меняться в зависимости от того, чем оно

---

³⁸ Арнольд Р. Мода, желание и тревога. Образ и мораль в XX веке. М.: НЛЮ, 2016. С. 15.

артикулировано, поэтому его можно считать пластичным и незавершенным, так как всегда остается возможность для трансформации. Благодаря этой способности к изменению, тело способно и изменять мир – привносить в него новые сущности и новые различия в уже имеющееся знание. Обладая такими свойствами, тело может осуществлять сопротивление биовласти. Результатом такого сопротивления становится перестройка связей внутри сети, поскольку в сеть включаются новые акторы и дискурсы.

Если внутри сети произошли перемены в распределении сил, то производство тел тоже начинает меняться. Так как же нам исследовать норму тела, если само тело оказывается пластичным? Способность тела к трансформации и непокорности биовласти делает границы нормы подвижными и проницаемыми. Нормативные практики биовласти и практики сопротивления тела, таким образом, находятся в непрерывном напряжении друг с другом.

Чтобы проанализировать сложные взаимосвязи внутри нормы тела в fashion-культуре, мы обратимся к принципам АСТ: следовать за акторами и описывать их взаимодействия. Описывая взаимодействия акторов, мы сможем артикулировать различия в дискурсах, рождающихся этими взаимодействиями. Мы воспользуемся логикой М. Фуко, и пойдем от обратного, как он это предлагает сделать в работе «Интеллектуалы и власть», размышляя о методе обнаружения власти: «Здесь я бы хотел предложить другой тип подхода к новой экономии отношений власти, сразу и более эмпирический, и более непосредственно соотнесенный с нашей сегодняшней ситуацией, и, вдобавок, имеющий в виду отношения между теорией и практикой. Этот новый способ исследования состоит в том, что мы принимаем формы сопротивления разным типам власти за отправную точку»³⁹. Следуя этому принципу, мы сможем решить сразу две задачи: очертить векторы сопротивления норме тела и найти путь к определению самой нормы.

---

³⁹ Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С. Ч. Офертаса под общей ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2002. С. 165.

В начале XX века первые попытки сопротивления модным тенденциям исходили от врачей. Врачи тогда были обеспокоены здоровьем людей и подозревали, что следование трендам становится одной из причин заболевания граждан. После испанского гриппа в 1919 году в свет выходит статья в газете «The Cleveland Press», где автор ссылается на женского врача по фамилии Макглинн, которая предупреждает об опасности носить обувь на тонкой подошве: «Хотелось бы решительно предостеречь против глупой моды или привычек девушек, которым кажется необходимым посреди зимы облачаться в туфли на тонкой плоской подошве»⁴⁰.

На связь между замерзшими ступнями и заболеванием указывала и реклама ботинок от «United States Rubber Company», размещенная в 1921 году в издании «Ladies' Home Journal»: «Каждый знаком с кем-то, чья простуда «перешла» в грипп, пневмонию, чахотку. Врачи говорят, что простуда – причина половины наших болезней. А одна из самых распространенных причин простуды – промокшие ноги»⁴¹. Этот нарратив о связи здоровья тела с обувью указывают на то, как врачебные рекомендации включаются в сети fashion-культуры и создают новые различия в модном знании – здоровое/модное тело и болезненное/немодное тело. В связи с новым дискурсом о нормальном теле, продиктованным авторитетом врачей, продажи обуви «United States Rubber Company» возросли, а это значит, что акторы приняли новые модные стандарты, отвечающие требованиям здоровья – стали обуваться теплее, покупая ботинки на толстой подошве.

Дискурсы о здоровом теле в fashion стали распространяться еще дальше. Его подхватили модные журналы, которые распространили мысль о влиянии одежды на здоровье человека. Теперь под угрозу попадают тонкие чулки. Они, по мнению журналистов, ссылающихся на врачей, провоцируют

---

⁴⁰ Эленовиц-Хесс К. Даже болезни могут идти на пользу моде: реакция американской модной индустрии на пандемию в 1918 и 2020 годах // «Новая норма». Гардеробные и телесные практики в эпоху пандемии / Под ред. Л.Алябьевой. М.: НЛЮ, 2021. С. 64.

⁴¹ Ladies' Home Journal. The Curtis Publishing Company. 1921. January // Internet Archive [Эл. ресурс]. URL: <https://archive.org/details/zYX5LaziesYC/page/n151/mode/lup?view=theater> (дата обращения 28.04.2023)

болезни по причине переохлаждения ног. Но модные обозреватели не сдаются, появляются ответные меры, которые исходят от потребителей моды. Модницы, которые интернализировали желание носить чулки, теперь начинают следовать и новой норме – заботиться о своем здоровье и одеваться теплее. Они соединяют эти желания и выстраивают свою линию поведения. Это становится возможным благодаря пластичности тела, его способности обучаться и привносить что-то новое в мир.

В 1919 году «Vogue» напечатает заметку об «остроумном способе борьбы с гриппом», придуманным парижанками, которые поддевали под прозрачные шелковые чулки плотные шерстяные чулки телесного цвета, чтобы ноги не мерзли и в то же время выглядели стильно⁴². Этот пример наглядно показывает, как тело способно сопротивляться биовласти, проявлять непокорность, и одновременно соблюдать правила, предложенные ее. Однако эти нормы не отменяют друг друга, а накладываются друг на друга. Своими действиями тела парижанок проводят новые различия. Они повинуются врачам, интернализируя желание быть здоровым, но и сопротивляются их запрету не носить чулки. В то же время парижанки продолжают подчиняться модному дискурсу – быть в тренде и носить чулки. Таким образом, из навязанных стандартов биовласти со стороны модных журналистов и модельеров, а также встречной противоборствующей власти врачей рождается норма, в которой акторы соединяют правила обеих сторон, изменяя поведения, а в последствии и свою идентичность. Такая подвижность границ нормы возможна благодаря пластичности тела и его способности привносить новые сущности в сети.

В начале XX века в модные нарративы все чаще начинает проникать власть врачей, имеющих привилегированный доступ к знанию тела. Врачи вносят новые различия в уже имеющийся до этого дискурс о теле, и его подхватывают модные журналисты, имеющие авторитетное мнение в fashion-культуре. Журналисты передают эти различия по сети с помощью нарратив-

⁴²Vogue. 1919. May 15 // VOGUEARCHIVE [Эл.ресурс]. URL: <https://archive.vogue.com/issue/19190501> (дата обращения 09.04.2023)

вов в медиа. Таким образом, благодаря артикуляции новых различий происходит перестройка связей внутри сети – возникают новые ограничения, наложенные врачами. Модная индустрия начинает обращать внимание на медицинские рекомендации и учитывать их. Потребители моды интернализируют стандарты нормы обеих сторон – врачебные пожелания и пожелания модных обозревателей. Присвоение желаний происходит не прямолинейно, новая стратегия поведения возникает из сопротивления одним правилам и подчинения другим. Таким образом, врачебная практика, вмешиваясь в модную индустрию, встречается с сопротивлением тел субъектов, и перестраивает взаимосвязи акторов внутри сети fashion-культуры.

Медицинское знание о теле в течение XX века продолжает развиваться ускоренными темпами. Медицинская техника непрерывно совершенствуется. Диагностика болезней становится точнее, отсюда шанс оказать преждевременную помощь становится выше. Поскольку доступ к медицинскому обслуживанию получает все большее количество людей, медицина начинает повышать требования к нормам здоровья. Ученые продолжают углублять знание об устройстве тела, используя последние разработки техники – МРТ, энцефалограмма, компьютеры и прочие устройства, которые облегчают получение знания о теле. Научное знание начинает множиться, производя знания о теле еще больше, артикулируя все больше различий внутри телесного дискурса.

А.М. Мулен утверждает, что «история тела в XX веке – это история его беспрецедентной медиализации. Так называемая западная медицина, взяв на себя ответственность устанавливать режим дня и сопровождать повседневные действия человека, вышла далеко за рамки всех своих прежних ролей и превратилась не только в главный источник помощи в случае болезни, но и в руководство для жизни, соперничающее с теми путями, которые были выработаны традиционной культурой»⁴³. Власть врачей укрепляется и за счет их

---

⁴³ Мулен.А.М. Тело с точки зрения медицины // История тела. Ч. 3. М.: НЛЮ, 2016. С. 11.

побед над смертельными болезнями. Благодаря их действиям происходит рост населения и увеличение продолжительности жизни людей.

2.2. «The Body Positive»: борьба за тело в fashion-культуре

Не только врачи и ученые участвуют в формировании телесного знания и меняют стратегии поведения людей. В тело начинает вмешиваться и политические силы. С середины XX века все большую популярность обретают феминистские движения. Политический активизм феминисток 1960-х гг. приводит к тому, что в 1970-е гг. начинает складываться академический корпус «женских исследований», совершая парадигмальные сдвиги в социальных науках⁴⁴.

В социальном знании начинают оспариваться эссенциализм и биологический детерминизм. «Сформировавшийся в те годы феминизм различий исходит из признания особого опыта и особой роли женщин в обществе, особых женских прав. При этом различия мужских и женских моделей поведения рассматриваются как социально и культурно заданные, но обусловленные биологическими репродуктивными различиями, воплощенными в телесном опыте, о котором писала Симона де Бовуар»⁴⁵, - отмечают исследовательницы гендерной социологии Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина.

Женское движение видит свое предназначение в установлении равных возможностей в профессиональной сфере как для мужчин, так и для женщин. Но для этого необходимо включить женщин в политическую жизнь и установить равноправие с мужчинами. Для борьбы с дискриминацией женщин необходимо изучить особый женский опыт, дать слово женщинам и говорить с позиции женщин.

---

⁴⁴ Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. 12 лекций по гендерной социологии. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 34.

⁴⁵ Там же. С. 40.

В конце XX века политическая сила объединяется с медицинским дискурсом. И вместе они начинают кардинально менять норму тела. Под влиянием феминизма в 1996-м году психотерапевт Э. Скотт и политическая активистка К. Собчак создают организацию «The Body Positive», целью которой становится борьба за бережное отношение к собственному телу в противовес принятым тогда нормам жертвовать своим здоровьем ради достижения идеалов красоты. В научном журнале «N+1» можно найти описание бодипозитива: «Их целью было развить сообщество, предлагающее «свободу от тисков общественного мнения, заставляющего людей постоянно бороться с собственным телом»⁴⁶.

В основу политического движения ложится идея положительного отношения к себе и к окружающим, независимо от телосложения, внешности, пропорций, веса, возрастных изменений, ухоженности, и прочих индивидуальных различий, так как именно положительное отношение к своему телу предполагает здоровье и экологичность. В этом положении мы видим как политический активизм за права женщин соединяется с медицинскими рекомендациями врачей сохранять свое здоровье.

Провозглашение радикальной любви к своему телу было реакцией на слишком строгие и узкие критерии привлекательного тела. Мода внушала женщинам выглядеть как куклы «Barby» – пышногрудые и долговязые блондинки с осиной талией и длинными ногами, если говорить о гламуре. Сохранялась мода и на Твигги: хрупкие и тонкокостные женщины, имеющие маленький индекс тела. «Только на обложках Vogue в промежутке с 1966 по 1974 годы Твигги побывала одиннадцать раз. Из них один раз ее портрет украсил обложку французского издания, два раза – итальянского и по четыре раза – обложки американской и британской версии»⁴⁷, - подчеркивает особую роль образа Твигги журналистка модного журнала.

---

⁴⁶N+1 // Научный журнал [Эл.ресурс]. URL: https://plusone.ru/sustainability/bodipozitiv?utm_source=web&utm_medium=article&utm_content=link&utm_term=scroll (дата обращения 27.02.2023)

⁴⁷Крушинская К. Таймлайн: лучшие модные съемки Твигги // Blueprint [Эл. ресурс]. URL: <https://theblueprint.ru/fashion/timeline/twiggy-shoots> (дата обращения 10.04.23)

В 90-е и 2000-е годы жесткие эталоны красоты достигли своего апогея, породив пищевые и тревожно-депрессивные расстройства у женщин, стремящихся соответствовать канонам красоты. «Большое влияние на бодипозитив оказала и мода последних десятилетий: «героиновый» шик с тотальной худобой, анорексичные модели с четко очерченными скулами, впалыми щеками и тонкими конечностями»⁴⁸, - размышляет о связи политического движения с модными течениями русский психиатр В.Шуров.

Одним из законодателей худобы тела был знаменитый модельер К.Лагерфельд. Он категорично утверждал, что «тело должно быть безупречным. В противном случае покупайте одежду маленьких размеров и ешьте меньше»⁴⁹. В социальной сети «Vk» до сих пор существуют паблики «Типичная анорексичка»⁵⁰, «45 кг» или «Тайны худеющей», где организаторы и участницы группы делятся своими параметрами тела и призывают к их уменьшению. Девушки объединяются, чтобы вместе опробовать новые диеты и психологически поддержать друг друга на пути «усовершенствования» своей фигуры.

Экстремальная обеспокоенность своим весом, фигурой и едой психиатрами определяется как расстройство пищевого поведения. В России нет официальной статистики по количеству людей с расстройствами пищевого поведения, но по данным, собранным в США, с этим заболеванием сталкиваются около 30 миллионов человек⁵¹. «Расстройства пищевого поведения являются одними из самых смертельных психических заболеваний, уступая только передозировке опиоидами. 10 200 смертей в год являются прямым результатом

---

⁴⁸ Бодипозитив: вред или польза, как связан с феминизмом и где разумная грань? Объясняет врач-психиатр // Яндекс Дзен [Эл.ресурс]. URL: <https://dzen.ru/media/id/5e5e195e23f6716bacbc570a/bodipozitiv-vred-ili-polza-kak-sviazan-s-feminizmom-i-gde-razumnaia-gran-obiasniaet-vrachpsihiatr-615b1bcf8020442c6468bf20> (дата обращения 10.04.2023)

⁴⁹ Самые яркие высказывания Карла Лагерфельда // Сноб [Эл.ресурс]. URL: <https://snob.ru/entry/172686/> (дата обращения 10.04.2023)

⁵⁰ Типичная анорексичка // Социальная сеть VK [Эл.ресурс]. URL: https://vk.com/i_typical_anorexic (дата обращения 28.04.2023)

⁵¹ 15 глупых вопросов о расстройстве пищевого поведения // ENTER [Эл.ресурс] URL: <https://entermedia.io/people/15-glupyh-voprosov-o-rasstrojstve-pishhevogo-povedeniya/> (дата обращения 28.04.2023)

расстройств пищевого поведения, — то есть почти каждый час в мире умирает 1 человек от последствий, связанных с РПП. Около 26% людей с расстройствами пищевого поведения пытаются покончить с собой»⁵², - констатирует официальный сайт помощи людям с расстройствами пищевого поведения «Осознанное питание».

Таким образом, в конце XX века воспевание модой астенического телосложения приводит к распространению психических расстройств, связанных с пищевым поведением, а также увеличению смертности, причиной которой становится одержимость строгими пропорциями своего тела, навязанными модной индустрией. Привлекая теоретические ресурсы акторно-сетевого анализа, данную ситуацию можно охарактеризовать следующим образом. Модельеры, имеющие право высказываться о стандартах модного тела, формируют дискурсы, в котором прослеживается различие «модное тело – это худое тело», соответствующее определенным параметрам (90/60/90) и массовой категории 45 кг. Все остальные тела, отличающиеся от данных критериев, подпадают под исключение нормы тела в fashion-культуре и переходят в категорию маргинальных.

У модельеров имеются свои причины, почему именно такая форма тела котируется в модной индустрии – это индивидуальный вкус и практическая применимость. Например, на субтильную модель проще сшить одежду (ее роль в таком случае сужается до роли вешалки). Самочувствие самих моделей в таком случае не учитывается, они интернализировали требование модельеров весить 45 кг, не смотря на врачебные рекомендации. Это означает, что их тела полностью подчинены биовласти, царствующей в мире моды.

Дискурс о худобе распространяется дальше показов благодаря обозревателям моды. Фотографы множат образы худощавых девушек на глянцевого журналах, пишут о том, как достичь идеалов красоты с помощью различных диет и физических упражнений. Потребители моды активно подхватывают

---

⁵² Осознанное питание // Профессиональная помощь людям с расстройствами пищевого поведения [Эл.ресурс]. URL: <https://xn--80aaobgib9abaddafqx1a.xn--plai/mirovaya-statistika-rasstroystv-pischevogo-povedeniya/> (дата обращения 28.04.2023)

идеи модельеров и начинают практиковать стройность. Так эта характеристика тела становится стандартом нормы, формируя модную идентичность. Врачи и политические активисты начинают выступать противоборствующей силой, возникает сопротивление биовласти в fashion-культуре.

Развязывается борьба между модными стандартами тела и требованиями врачей к своему телу. В этот раз к медицинскому знанию о теле подкрепляется сила феминистских движений — бодипозитив заявляет, что не согласен с правилами биовласти и начинает не только напрямую сопротивляться власти модельеров и модных журналистов, но и проводить активные действия: включаться в сеть fashion-культуры и изменять внутри нее связи между акторами. Изменения в сети fashion происходят по той причине, что в сеть подключаются новые тела, особенность которых заключается в том, что они способны быть непокорными власти, а сопротивление осуществляется благодаря возможности телу привносить новые сущности и различия в уже имеющиеся дискурсы в сети.

Успешность в реорганизации взаимосвязей бодипозитиву приносит переопределение нормы тела — активисты проводят новые различия. Стройность перестает быть критерием нормы, требование к телу меняется — теперь от него необходимы кардинальное принятие и положительное отношение. Так для сторонников бодипозитива нормальным телом становится тело, которое не смотря на свои несоответствия старой норме стройности становится ценным само по себе, в том виде, в котором оно существует сейчас.

Чтобы снизить давление на социум и не вызывать новые неврозы по поводу требования положительных эмоций к своему телу, политические активисты выдвинули новый термин — «бодинейтральность». В 2022 году на «Forbse» была опубликована статья «Тело — это просто тело: что такое бодипозитив и бодинейтральность», в которой авторы делятся тем, как «спокойно относиться к своему телу, даже если не получается полюбить «не-

совершенства»»⁵³. Х.Л. МакБрайд пишет, что до 90% представителей западной культуры испытывают ненависть к своему телу. Такие высокие показатели привели к тому, что ученые охарактеризовали принятое на Западе отношение к своему телу как «стандартное недовольство». Автор это связывает с тем, что людей научили принимать свое тело как объект, внешность которого предназначена для оценивания. Определяя тело, Х.Л. МакБрайд приводит цитату профессора соматической психологии Т. Силоу: «Тело – это не вещь, которой мы обладаем, а опыт, которым мы являемся»⁵⁴. Здесь мы видим, как переопределение тела бодипозитивом совершает критику принятой нормы, делая ее различия несостоятельными. Прежние стандарты нормы, по мнению врачей, опасны для субъекта, они вредны для здоровья и ведут к распаду личности.

Психолог Т. Силоу призывает отдыхать от напоминаний о нашем теле: «Нужны места, где мы сможем взаимодействовать с людьми таким образом, чтобы не забывать и о других составляющих нашей жизни. Для людей, чье тело стало жертвой общественного внимания, травмы или самообъективации, пространство, в котором никто не будет говорить о нем, может стать долгожданным спасением. Это также может быть формой сопротивления, особенно когда людей отождествляют с их телом, а их навыки обесцениваются или игнорируются. И по мере того, как набирает популярность движение в пользу позитивного отношения к телу (бодипозитив), человек может начать стыдиться того, что его восприятие собственного тела остается неизменным в отличие от позитивного взгляда других людей»⁵⁵. Чтобы выйти из оценочных суждений о своем теле, вводится такое понятие как «бодинейтральность», сделав самоопределение человека более комфортным и независимым от навязанных требований извне. «Бодинейтральность» позволяет человеку не акцентировать большое внимание на своей внешности, а принятие своего

---

⁵³ Тело — это просто тело: что такое бодипозитив и бодинейтральность// Forbes [Эл.ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/466195-telo-eto-prosto-telo-cto-takoe-bodipozitiv-i-bodinejtral-nost> (дата обращения 28.04.2023)

⁵⁴ МакБрайд Л.Х. Мудрость тела. М.: Эксмо, 2020. С. 10.

⁵⁵ Там же. С. 18.

тела оказывается достаточным, чтобы достичь самоудовлетворения, и не испытывать страха и стыда от недостигнутых общепринятых норм человеческого тела.

Активисты подчеркивают, что тело само по себе полноценное и самодостаточное, без каких либо условий. Понимание тела охватывает всю полноту, что значит быть человеком. Поэтому менять свое тело, чтобы повысить свою ценность, не стоит, даже, если этого требует культура. Сторонники движения выступают против наказаний и осуждений себя за какие-либо телесные несоответствия культурным установкам и призывают создавать внутреннее чувство защищенности: «Мое тело не может быть плохим, однако культурные установки в отношении тела сильно вредят людям, и иногда я путаю два понятия — тело и внешность — между собой. Вместо того чтобы видеть проблемы в своем теле (медицинская / патологическая модель), я вижу проблему в узком определении идеального тела обществом (социальная модель)»⁵⁶.

В этом тезисе бодипозитив обличает модную индустрию в качестве производства желаний. Сторонники политического движения предлагают индивидам увидеть, что желание – это инструмент власти fashion-культуры, и не поддаваться этому влиянию. Обнаружение механизмов власти показывает путь к освобождению от этой власти. Активисты видят свое предназначение в том, чтобы найти проблему в навязанной норме, а не в субъекте, который находится в плену у стандартов fashion, воспринимая заточение своим выбором.

Сторонники бодипозитива определяют тело как невербальную биографию поколений, в которой прослеживается связь с предками и со всеми людьми вообще. Политические деятели заботятся не только о личном самочувствии индивида, но и обосновывают социальную значимость своих взглядов. С.Р.Тейлор в книге «The Body Is Not an Apology» так размышляет о

---

⁵⁶ Тело — это просто тело: что такое бодипозитив и бодинейтральность. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/466195-telo-eto-prosto-telo-cto-takoe-bodipozitiv-i-bodinejtralnost>

необходимости радикального принятия своего тела: «...это внутренняя работа. То, как мы ценим и уважаем свое собственное тело, оказывает влияние на то, как мы ценим и уважаем тела других людей⁵⁷.

Формирование идентичностей должно строиться не по принципу внешности и привлекательного тела, соответствующего узким эталонам красоты, а зависеть от достижений и профессиональных навыков индивида. В этой идее прослеживается параллель с мыслями Б.Латура и М.Фуко о том, что тело является динамическим объектом, который находится в непрерывном обучении. Именно способность к изменениям, усвоение новых навыков в результате воздействия различий определяют тело.

Таким образом, дискурсы бодипозитива о теле становятся сопротивлением прежней норме, формирующей идентичность субъекта по принципу внешних параметров: цвет кожи, рост, вес, пропорции и прочие отличия, которые исключали обладателя тела из нормы fashion-культуры. Политическое движение, объединившееся с врачебной практикой, становится сетью, внутри которой рождается новая истина, переопределившая взаимоотношения акторов внутри моды. Это не просто прямое блокирование действий биовласти, отказ следовать старой нормальности тела, но и проактивная стратегия: обнаружение механизмов власти, критика ее и переопределение понятия тела, через которое действует биовласть. То есть политическое движение проводит различия не там, где раньше они были проведены. Это значит, что внешность тела получает самоценность, вместе с которой признается право на многообразие. Критерием нормальности тела становится способность к обучению.

Какими практиками сопротивления бодипозитив представил свою борьбу против прежней нормы? Новый дискурс о теле начал проникать в сферу производства вещей. Многие производители одежды начали менять свои маркетинговые стратегии посредством такой репрезентации тела, кото-

---

⁵⁷ Taylor S.R. The Body Is Not an Apology: The Power of Radical Self-Love. N.Y.: Penguin Random House, 2017. P. 15.

рая соответствует принципам бодипозитива. Так марка нижнего белья «Victoria's Secret» объявила в 2021 году, что ее новыми амбассадорами станут женщины, известные своими достижениями, а не профессиональные модели, которых компания ранее называла ангелами.

Victoria's Secret размещает на своем сайте фотографии тел футболистки и ЛГБТ-активистки М.Рапино и бодипозитив-активистки П.Эльсессер⁵⁸. Но это еще не все, журнал Forbes пишет, что знаменитая марка расширяет модельный ряд — впервые в своей истории компания выпустит белье для беременных и кормящих женщин, а также бюстгалтеры для женщин, переживших мастэктомию.

Размерная сетка может расширяться до размера XXXXXL (сейчас максимальный размер — XXL), также изменяются и пропорции манекенов. Из этого следует, что компания прибегает не только к иным репрезентациям тела в своей рекламе, но меняет и само производство одежды: ориентир на потребителей, включение большего количества акторов потребления. Получается, что производители одежды начали принимать те формы телесности, которые ранее были отвергнуты и не входили в понятие нормы.

Таким образом, дискурсы бодипозитива распространяются по новым сетям, меняя взаимосвязи между акторами, а вместе с тем и меняется производство тел. Появляются новые сущности – одежда с другими параметрами тела.

На место «ангелов», продвигающих бренд, приходит совет «VS Collective». В него вошли семь женщин, выбранные не по модельным параметрам, а по опыту, которым они могут поделиться с покупателями. Чернокожая модель, в прошлом беженка А.Акеч; фотограф и журналистка А. Де Кадене; лыжница, победительница чемпионата мира А.Гу; трансгендерная модель В.Сампайо; актриса, продюсер Ч.Джонас будут консультировать

---

⁵⁸ Victoria's Secret Swaps Angels for What Women Want. Will They Buy It? // New Time [Эл.ресурс] URL: <https://www.nytimes.com/2021/06/16/business/victorias-secret-collective-megan-rapinoe.html> (дата обращения 28.04.2023)

бренд по работе над новыми линейками продуктов и мультимедийным контентом, то есть поддерживать женские интересы компании.

Генеральный директор М. Уотерс считает, что компания наконец-то идет в верном направлении: «Когда мир менялся, мы реагировали слишком медленно. Нам нужно перестать думать о том, чего хотят мужчины, и начать думать о том, чего хотят женщины⁵⁹». Поэтому прежние ангелы с подчеркнутой патриархальной сексуальностью становятся не релевантными для компании, так как этот дискурс не отвечает требованиям новой нормы, где главным становится опыт тела, а не его внешность. Здесь мы можем заметить то, как революционная сила становится биовластью. Сопротивление старой норме подхватываются законодателями мод и становятся новыми стандартами тела. То, что ранее считалось маргинальным и девиантным, выходит в статус нормального. Чем больше оказывается сопротивление, тем больше биовласть совершает ответные меры.

Навыки тела, обретенные в результате освоения профессий, в моде становятся значимыми благодаря проникновению феминистских идей, которые поддерживают права женщин и критикуют «мужской взгляд» на женскую красоту. Появление на фотографиях разных представителей разных профессий и классов (и разных тел, независимо от веса, пропорций и цвета кожи), политических активисток говорит о том, что в модную индустрию проникают дискурсы врачей и феминисток, изменяя понимание нормального тела и выстраивая новую идентичность, построенную на принятии многообразия тел, так как критерием нормальности становится именно опыт и достижения тела.

Включения многообразия, гетерогенности тел в норму модного канона сделали саму моду для этих тел доступной, что определяет теперь ее как инклюзивной – доступной для всех (включающей всех). Меняется не только знание о теле, меняется расстановка сил внутри сети – политические акти-

---

⁵⁹ Victoria's Secret is overhauling its image. Is it enough to regain relevance? // CNN Style [Эл. ресурс]. URL: <https://edition.cnn.com/style/article/victorias-secret-rebrand-vs-collective/index.html> (дата обращения: 28.04.2023)

вистики начинают возглавлять известные бренды и марки одежды, участвовать в принятии решений модных компаний, а значит стабилизировать сети, контролировать возможность включения и исключения актрис из сети (например, участвуют в разработке нижнего белья и расширяют размерную линейку бюстгалтеров или дополняют новыми моделями для кормящих мам).

2. 3. Нормализация различий – тело под контролем

Соединение врачебного дискурса с политическим нарративом о борьбе за права женщин породили бодипозитив, который становится частью био-власти, навязывающей нормативное поведение и участвующей в обретение определенного типа тела. Как это происходит? Как революционные силы становятся властью? Тело является продуктом властных отношений, и в то же время возможностью сопротивления этой власти. В самом теле заложена идея свободы, иначе разговор о власти не имел бы никакого значения.

Власть возможна лишь в том случае, если у тела есть выбор подчиняться или протестовать. Чем больше совершается сопротивления, тем больше становится властных отношений в ответ. В нашем случае идеи и принципы бодипозитива подчинили себе тела модных журналистов, руководителей журналов, фотографов, стилистов. Дискурсы множатся и распространяются по другим сетям. Так в основу актуальной программы модного медиа включаются идеи политического движения, выступающие за положительное отношение к своему телу. Медиа в fashion-культуре претендует на авторитетные высказывания, тем самым диктуют правила, а значит устанавливают определенные режимы производства и воспроизводства тел.

При вступлении на должность главного редактора «Vogue» Э. Энн-инфул в 2017 дает интервью, в котором объявляет инклюзивность и

открытость главными ориентирами в работе журнала. Теперь в журнале будут «представлены разные женщины, разные тела, разные расы, разные классы и подняты вопросы гендера»⁶⁰. Э. Эннифул признается, что «Vogue означает разнообразие точек зрения. <...> Это решение реальных глобальных проблем — изменение климата, расы, возраста — и нормализация положения маргинализированных, предоставление права голоса людям, у которых не было голоса, а также создание невероятных образов и слов. Мода стала более доступной, но по-прежнему очень притягательной»⁶¹. В самих словах главного редактора звучит освободительная идея феминисток – включить в норму тех, кто раньше подвергался дискриминацией. Каким образом решается эта задача?

Сентябрьский номер за 2019 год под совместной редакцией герцогини М. Саксесской был выпущен под названием «Силы, меняющие мир». Под силами подразумевались женщины, чья общественная деятельность получила положительный резонанс. Их публичный образ вторил феминистским идеям о равноправии и профессиональных возможностях наравне с мужчинами. Это должно было расширить представления о женских ролях в социуме. Подборка героинь выпуска подтверждала слова Э. Эннифула об инклюзивности и открытости журнала, и стала революционной для британского «Vogue». На обложке были фотографии самой молодой за всю историю издания модель – Г. Тунберг, самой возрастной – Дж. Фонда, первой маленькой женщины – активистки Ш. Берк, первой трансгендерной женщины – Л. Кокс.

Каждая из женщин делилась своим опытом «изменения мира»: через что они прошли, чтобы добиться успехов, прорываясь сквозь патриархальные несправедливости. Если перевести их сообщения на язык философии, то женщины создали рассказы, в которых повествуют, каким образом их тела учились быть аффицируемыми пропозициями мира. То, чему научились их

---

⁶⁰ A Visible Man by Edward Enniful // BBC Radio [Эл. ресурс]. URL: <https://www.bbc.co.uk/programmes/m001byjg> (дата обращения 02.05.2023)

⁶¹ Edward Enniful on Vogue, Gen Z and what makes a great editor // Vogue Business [Эл. ресурс]. <https://www.voguebusiness.com/companies/edward-enniful-interview-editor-in-chief-british-vogue> (дата обращения 02.05.2023)

тела в артикуляции «быть работающей женщиной» – способствовало привнесению в мир изменения, в том числе повлиять на модную индустрию. Тела женщин в «Vogue» произвели новые различия – нормальное тело может выглядеть как угодно, если только оно способно к труду. Женское тело может быть способно к профессиональным достижениям – карьерный успех этих женщин является тому доказательством.

Феминистская повестка становится законодательной. Теперь ее дискурсы становятся желательными к исполнению. Их высказывают акторы, наделенные авторитетом, со страниц журнала, имеющий доверие у читателей. Сети продолжают расширяться, вбирая в себя все новых акторов, связывая вместе тех, кто ранее был разделен. Сети становятся видимыми и для других акторов благодаря медиа – так устанавливается новая норма тела. Критериями нормальной телесности становится женское тело с профессиональными навыками, а значит допускающее разнообразие внешности и идентичности – формируется инклюзивная мода. Но прежние критерии не отменяются: происходит дополнение старого стандарта новыми требованиями. Мы помним, что увеличение сопротивления множит власть. Какие стандарты тела остаются в понятии нормы? Рассмотрим примеры репрезентации тел в новой нормальности в fashion-культуре.

Я. Росси — французская модель, являющаяся лицом известного бренда одежды Marks & Spencer. В течение многих лет она работала с крупными домами Saint Laurent, Thierry Mugler и Christian Lacroix⁶². Женщина начала свою карьеру в 50 лет, что соответствует принципам бодипозитива, требующие выйти за пределы возрастного ценза.

Кроме работы моделью женщина занимается благотворительностью и продвигает свой бренд платков, что подчеркивается модным медиа в особенности. Этот тезис о работающей, самостоятельной и независимой женщине нам известен из феминистского проекта. На ее примере мы можем наблюдать

---

⁶² Yazemeenah Rossi, cuando la belleza trasciende // Vogue. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.vogue.es/belleza/articulos/yazemeenah-rossi-modelo-belleza-meditacion-bienestar> (дата обращения 02.05.2023)

дискурс, в котором нормальное тело характеризуется способностью к обучению и профессиональной занятостью. А как же старые стандарты нормы? Если присмотреться к рекламным кампаниям Я. Росси, то мы можем увидеть на ее фотографиях⁶³ все то, что декларируется прежней нормой. Стройность, ухоженность, атлетичность, эстетичность тела – эти критерии отбора в категорию нормальности никуда не уходят. Следовательно, новые стандарты накладываются на старые, тем самым усиливая контроль над телом.

М. Фуко подтверждает, власть укрепляется при встрече с сопротивлением ей: «В самом ответе на бунт тела вы находите новую инвестицию, которая теперь фигурирует не в виде контроля-подавления, а в виде контроля-стимуляции: «Оголяйся, но будь худощавым, красивым, загорелым!» На всякое действие одного из противников отвечает движение другого»⁶⁴. Таким образом, на ослабевшее требование в одном месте мы получаем усиление контроля в другом.

Помимо успеха в профессиональной деятельности, которое говорит об опытном теле, наделенным навыками и умениями, появляется еще один критерий нормальности. Назовем его в широком понимании «здоровое отношение к себе». Что это означает? Рассмотрим то, каким образом этот тезис раскрывает сам актер. В этом случае мы будем отталкиваться от метода Б.Латура: давать голос актерам, а не заслонять исследования смыслами теорий, внесенными социологами.

В интервью у Я. Росси журналисты спрашивают, в чем состоит секрет ее красоты и успешности, как ей удается добиваться такого здорового и сильного тела. По мнению модели, главное – быть «счастливым», далее она уточняет: то есть хорошо себя чувствовать и заниматься тем, что нравится. И здесь мы видим вектор, направленный на осознание своей значимости в профессиональной деятельности. А также мы обнаруживаем «здоровое отноше-

---

⁶³ Yazemeenah Rossi, cuando la belleza trasciende. URL: <https://www.vogue.es/belleza/articulos/yazemeenah-rossi-modelo-belleza-meditacion-bienestar>

⁶⁴ Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. С. 163.

ние к себе» в качестве базовой установки, которая состоит в том, чтобы осознавать свои интересы и потребности и следовать им. То есть делать то, что нравится, то, что приносит удовольствие. В хорошее самочувствие вкладывается не только физическое здоровье, тело признается как основной источник здоровья, но модель говорит и о духовности: «Вы должны заботиться о оболочке своего тела, чтобы иметь связь со своей духовной стороной»⁶⁵. Фокус внимания, направленный на удовлетворения своих интересов и на поддержание здоровья в широком понимании этого слова мы можем определить как заботу о себе. Эта мысль отсылает нас к медицинским рекомендациям. То есть субъект интернализировал требования социальной медицины.

Однако идея заботы о себе открывает еще одну большую тему, затронутую у позднего М. Фуко. Мыслитель в «Истории сексуальности» задается вопросом о формировании субъекта играми власти и истины. Отвечая на него, М. Фуко разрабатывает концепт заботы о себе или техники самости. Философ убежден, что «прежде всего, необходимо отбросить одно очень распространенное положение, согласно которому в наших буржуазных и капиталистических обществах власть якобы отрицала действительность тела ради души, совести, идеального. На самом деле нет ничего более материального, физического и телесного, чем осуществление власти»⁶⁶. Субъектность (как и тело) человека рождается не только благодаря воздействию биовласти, иначе мы бы не могли говорить о самой власти, так как это понятие всегда сопряжено со свободой. Власть осуществляется только там, где индивид является свободным, а это означает, что человек сам может участвовать в формировании своей идентичности, своей субъектности, а значит и в обретении тела. Так одним из ключевых моментов разговора о конституировании субъекта для М. Фуко становится техника самости.

---

⁶⁵ Yazemeenah Rossi, cuando la belleza trasciende. URL: <https://www.vogue.es/belleza/articulos/yazemeenah-rossi-modelo-belleza-meditacion-bienestar>

⁶⁶ Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. С. 164.

Только в заботе о себе субъект может осуществлять практику свободы: «Это то, что можно назвать аскетической практикой, придавая аскетизму весьма обобщенный смысл, т.е. не смысл морали самоотречения, а воздействия субъекта на самого себя, в процессе чего возникает попытка выработки и преобразования самости, а также перехода к определенному способу существования»⁶⁷. Отсюда следует, что власть, произведенная субъектом над самим собой является формой практики свободы, и чем больше субъект производит контроля над своим телом, тем более свободным он становится.

У М. Фуко нет никакой абсолютной свободы, есть лишь формы свободы, которые проявляются в практиках. То есть мы можем говорить только о практиках свободы во множественном числе: «Однако хорошо известно – впрочем, это довольно конкретный случай, – что такого варианта освобождения недостаточно для того, чтобы определить все варианты практики свободы, необходимые для того, чтобы освободившийся народ, освободившееся общество и освободившиеся индивиды могли определить для себя допустимые и приемлемые формы их существования или политического строя. Вот почему я настаиваю на необходимости, скорее, практик свободы, чем практик освобождения, которые, конечно, занимают свое место, но, на мой взгляд, сами по себе не могут определить все практические формы свободы»⁶⁸. Так что же получается, новая норма, продиктованная влиянием феминизма и медицины, подразумевает под собой вариант практики свободы, раскрывающуюся в призыве заботиться о себе? Чтобы ответить на этот непростой вопрос, обратимся к другим случаям проявления новой нормы.

Итак, мы выяснили, что не смотря на то, что нормальное тело обретает большой объем форм за счет множественности возрастных категорий, тело, шагнувшее далеко за молодость, остается в рамках конвенциональной красоты – это стройность, ухоженность и здоровье. Демонстрация благополучной старости поддерживается идеей ценности накопленного опыта и до-

---

⁶⁷ Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. С. 242.

⁶⁸ Там же. С. 242.

стижений в профессиональной сфере, при этом подчеркивается, что модно быть не только успешным, но и счастливым, то есть заботливым о себе. Однако инклюзивность моды продвигается за пределы конфессий, этничности, цвета кожи и возраста, включая в модные тенденции людей с ограниченными возможностями.

В конце XX века люди с инвалидностью были на периферии нормы: если тело официально (юридически) признавалось патологичным, то индивид оказывался выброшенным за границы социального благополучия. Его жизненный путь был предопределен: нетрудоспособность, пенсия и стигматизация. Сегодня такое положение дел меняется – люди с ограниченными возможностями могут добиться больших успехов в индустрии моды.

Люди с патологиями становятся моделями, основателями модных брендов и успешно реализуются в жизни, расширяя тем самым горизонты нормального тела. Весной 2015 года на неделе моды в Нью-Йорке появилась первая модель с синдромом Дауна – американка Дж. Брюэр. В 21 год австралийская манекенщица с синдромом Дауна М. Стюард совершила более 60-ти выходов на подиум в Лондоне, Париже и Дубае. В феврале 2021 года на показе дизайнера М. Сантьяго на подиум вышла еще одна модель с тем же диагнозом – пуэрториканка С. Жирау, которая к тому же является основательницей марки косметики «Alavett».

В fashion-индустрии стали появляться и модели с ампутированными конечностями. Э. Вандербург является амбассадором бренда «Alles» – это одна из первых студий, которая создает и продает через сеть Интернет декоративные накладки на протезы. Т. Эмери является политической активисткой. Она выступает за доступность красивых и удобных протезов для всех желающих. Спортсменка, модель и актриса Э. Маллинз входит в число красивейших людей планеты по версии журнала «People». Она потеряла обе ноги ниже колена. Инвалидность не помешала ей заниматься легкой атлетикой, плаванием и другими видами спорта. В 20 лет девушка установила два мировых рекорда в беге и прыжках в длину на Параолимпиаде в Атланте. В

возрасте 23-х лет она представляла модели Александра Маккуина на лондонском показе. Вопреки «недостающим» конечностям, девушки становятся героинями в индустрии красоты. Каким образом сегодня это стало возможным?

Ранее маргинализованные группы, отличающиеся от нормальных по внешности и по категории здоровья, сегодня благодаря политическому активизму и медицинскому обслуживанию получают право голоса, а также возможность работать наравне с остальными. Врачебная практика, устанавливающая стандарты и нормы здоровья, и контролирующая терапию пациентов, способствовала тому, что люди с серьезными патологиями сегодня способны на социализацию. Это доказывает тезис М.Фуко о том, что био-власть занимается не только подавлением и репрессиями, но и производит определенное знание и соответствующие тела.

Люди с ограниченными возможностями не смогли бы трудиться и стать героями в fashion-культуре, если бы не вклад феминистских движений. Бодипозитив порождает знание, в котором за истину берется равноправие и равные возможности для всех тел, в том числе имеющих серьезные патологии. И здесь мы не можем обойтись без акторно-сетевой теории, переосмысляющей материальность в социальной теории. Б.Латур выступает за то, чтобы принять агентность вещей всерьез и настаивает на том, что социальная деятельность обусловлена материальными вещами, без которых социальное взаимодействие не имело бы смысла. В своей статье «Интеробъективность» Б.Латур замечает, что социальная теория растворяет материальные объекты в символическом, приписывая им статус невидимого инструмента, проектора социальных смыслов или детерминирующей инфраструктуры. Мыслитель переворачивает понятие фрейма в безобъектной социологии, которое означало лишь смысловой контекст, и добавляет к нему значение материальности: «Человеческое взаимодействие чаще всего локализуется, заключается во фрейм, сдерживается. Чем? Самим фреймом, который состоит из нече-

ловеческих акторов»⁶⁹. Что нам дает новая оптика на социальную теорию, где появляется не-человеческая агенстность, в рамках исследования нормального тела в fashion-культуре?

Кроме изменений в расстановке социальных сил и переосмысления нормы модного тела благодаря активистам и врачам, происходят перемены и в сфере технологий. Производство протезов усовершенствуется, развиваются и сами протезы. Сегодня стали доступны бионические протезы, способные выполнять различные манипуляции, что означает размывание границ патологических состояний – медицинские технологии за последние десятилетия сильно продвинулись в поддержании здоровья людей с ограниченными возможностями. Помимо этого, сеть Интернет позволяет актерам быть видимыми в виртуальном пространстве – вести личные страницы в социальных сетях Instagram, Telegramm, Facebook, откуда их голоса могут быть услышанными. Благодаря Интернету потребители моды могут становиться производителями, то есть создавать свои модные дискурсы. Но вопрос о том, насколько их мнение становится авторитетным остается открытым и требует исследования.

Нас интересует то, что технологии участвуют в социальном взаимодействии, опосредуя их, делая возможным то, что раньше было закрытым. Могут ли материальные объекты служить освобождению? М.Фуко на этот счет отвечает так: «Если бы мы нашли место – возможно, оно и существует, - где свобода осуществляется на деле, мы обнаружили бы, что объясняется это не природой объектов, но опять-таки практикой свободы»⁷⁰. М. Фуко видит освобождение только в человеческих практиках, но не отрицает, что материальные объекты могут давать положительные результаты в совокупности с реальной практикой людей.

---

⁶⁹ Латур Б. Интеробъективность // Социология вещей. Сб. ст. под ред. В. Вахштайна. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 317.

⁷⁰ Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. С. 223.

Рассмотрим фотографии, где модели с инвалидностью продвигают бренды одежды. Новое различие, проведенное бодипозитивом, в определении нормального тела наслаивается на прежние стандарты, их телесность соответствует конвенциональным эталонам красоты – это стройная и высокая фигура, которая достигается регулярными тренировками и поддерживается здоровым питанием. Их тело выглядит подтянутым и ухоженным, не смотря на юридически признанную патологичность. Тела моделей с ограниченными возможностями проходят тот же самый набор практик, который формирует конвенциональную красоту тела. Девушки регулярно тренируются, питаются по принципам ЗОЖ, заботятся о своем здоровье и одеваются в соответствии с модными тенденциями.

Таким образом, появление в модной индустрии людей с ограниченными возможностями говорит о том, что на сегодняшний момент изначально заданная биологическая структура твоего тела не так важна, как то, какие усилия ты прилагаешь в достижении своей цели – в данном случае выглядеть модно и привлекательно. Биовласть рождает нарратив, в котором стимулирует действовать по сценарию, ведущему к норме: «недостатки» в твоей телесности становятся лишь только вызовом и мотивацией для осуществления возможности быть нормальным, то есть сделать себя нормальным вопреки отсутствующим ногам, рукам или несоответствиям хромосомам.

Тем самым происходит изменение понимания нормального тела. С одной стороны, телу разрешается различаться по внешности, с другой стороны, происходит ожесточение контроля над телом – правильное питание, регулярная физическая нагрузка и пристальный косметический уход. Официальный диагноз или структурные изменения тела – патология – больше не являются преградой на пути профессионального развития в модной индустрии, но модели с ограниченными возможностями должны соответствовать эталону конвенциональной красоты, которая достигается телесными практиками. И в этом случае мы можем наблюдать то, что если в каком-то из параметров нормы допускается свобода, то остальные критерии попадают под присталь-

ное внимание. Чем больше совершается действий сопротивления, тем больше отвечает биовласть.

Модные медиа сегодня поддерживают принципы бодипозитива, соединивший в себе врачебную практику и политический активизм. Бодипозитив сформировался как реакция на «токсичные» модные каноны, ведущие к патологии и смерти, к стигматизации людей по возрастным и другим признакам, которые делали их маргинальными (норма – молодой, худощавый, высокий, белокожий и т.д.). Новая норма провозглашает экологичное отношение к своему телу, стимулирует «заботиться о себе» своих потребителей и осуждает озабоченность внешним видом. Она предлагая здоровое отношение к своей телесности, принятие индивидуальных различий по этническому, классовому и другим признакам.

Благодаря появлению бодипозитива происходят изменения в критериях нормальности тела – подчеркивается ценность различий и многообразия телесности. Тела уравниваются в правах, главным в идентичности тел становится их способность к обучению и к профессиональным достижениям.

Феминистский дискурс предполагал, что принятие многообразия тел, отказ от оценивания внешности и подчеркивание ценности опыта тела приведет к освобождению. На деле же, новые требования политического движения накладываются на старые стандарты тела, добавляя больше контроля над ним. Те практики, которые ранее считались практиками сопротивления, становятся частью биовласти, включаясь в установление норм тела. Так происходит, потому что сама власть предполагает наличие сопротивления или свободы, иначе разговор о власти был бы бессмысленным. Власть множится, так как ее главной стратегией является обнаружение практик сопротивления и включения их в свою сеть. Так сопротивление модным тенденциям врачами и политическими активистами, выраженное в проактивном поведении и переопределении понятия тела, вылилось в то, что модельеры и fashion-журналисты переняли эти стратегии, включив бодипозитивистов в свои ассоциации. Таким образом, новые истины разрастались, изменяя свя-

зи между акторами внутри сети. Подобные изменения стали возможными благодаря способности тела вносить новые различия и создавать новые сущности.

На примере изменения маркетинговых стратегий брендов мы видим, как в индустрию моды попадают ранее маргинализированные группы, биовласть собирает знание о них и учится управлять с помощью самоопределения акторов. Так как власть и сопротивление не могут существовать друг без друга, то последнее может одерживать победы лишь временно и не может остановить постоянно расширяющийся контроль власти⁷¹. Сопротивление ведет к созданию новых типов тел, структурированных новыми отношениями внутри сети – биовласть включает их в свои сети, устанавливая новые стандарты нормы.

---

⁷¹ Игнатенкова Г. Биовласть и плазма: как ковид заставил акторно-сетевую теоретика перестать бояться и полюбить Фуко. С.111.

ГЛАВА III. ГЕНДЕРНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В МОДНОМ ТЕЛЕ

3.1. Тело во власти гендера

В 70-е годы XX века с приходом феминистских движений и масштабным осваиванием женщинами рынка труда начинают происходить коренные изменения в идентичности мужского и женского. Одновременно с политическим активизмом формируется коллектив ученых, занимающийся вопросами пола и гендера в социальных науках. Понятия гендер и пол становятся социально значимыми и выделяются в отдельную область знания – гендерную социологию.

Феминистки активно подхватывают идеи М.Фуко, и в основу метода гендерных исследований ложится понимание власти как рассеянных стратегий, а не вертикали власти с применением насилия (М. Вебер). Формируется новое исследовательское направление «Body&Sexuality Studies», которое «во многом вбирает и развивает идеи о дискурсах сексуальности, дисциплинарной власти и биополитическом регулировании М. Фуко, который говорит о телах с точки зрения их подчинения, нормализации и управления»⁷².

Авторы «12 лекций по гендерной социологии» Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина приводят определение гендера авангардной исследовательницы С. Риджвей: «Гендер оформляет (фреймирует, от англ. frame) социальные взаимодействия в контексте определенных социальных институтов. <...> Первичными гендерным фреймами являются гендерные верования, образованные на основе стереотипов восприятия. Такие фреймы позволяют участникам мгновенно распознавать коммуникативную ситуацию и действовать в соответствии с этим. К первичным фреймам, по мнению Риджвей, относятся гендер, возраст, раса. Мгновенное распознавание является основой для беспроблемной коммуникации и координации действий. Его условие — автома-

---

⁷² Ваньке А. Тела и сексуальности сквозь призму феминистской критики // Логос. 2018. Т.28. № 4. С. 89.

тическое приписывание всем мужчинам и женщинам определенных черт, противопоставленных друг другу»⁷³.

Исходя из этого определения становится ясно, что гендер может быть истолкован как устойчивый набор воспроизводящихся практик, а не сущностная характеристика субъекта, как раньше это было представлено в истории мысли. Значимую роль в смене оптики на гендерные идентичности сыграет экзистенциализм – С.Де Бовуар в своей книге «Второй пол» показывает, что «женщиной не рождаются, а становятся», критикуя тем самым биологический детерминизм и эссенциализм.

Поскольку гендерные фреймы участвуют в самоопределении индивида, они способствуют различию идентичностей. Отсюда следует, что они включены в социальные стандарты, регулирующие взаимодействие субъектов, соответственно, они производят определенную телесность. Так, например, репродуктивные способности тела становятся причиной для различения женской и мужской идентичностей. Следовательно, что мы можем рассматривать гендер в качестве стратегии поведения, а значит причислять их к действиям биовласти, которая стабилизирует связи внутри взаимодействий субъектов.

Во второй половине XX века феминизм ставит под сомнение роль женщины жены-домохозяйки, тем самым проявляя сопротивление общепринятым нормам в гендерном поведении. Социально предписанное поведение женщины становится неприемлемым для женщин, ориентированных на профессиональную деятельность. Благодаря феминизму, который соединяет в себе силы научных и политических деятелей, формируется представление о женской идентичности как об особом женском опыте, исходившим из признания особой роли женщины в социуме. На языке АСТ, это означает, что ученые и политики проявили проактивное поведение и пересмотрели различия в гендерном знании, ранее установленное биовластью.

---

⁷³ Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. 12 лекций по гендерной социологии. С. 35.

Первая волна феминизма понимает различия между мужским и женским гендером как социо-культурно заданные, но воплощенными в телесности. Мужской взгляд претендует на доминирующий, а женский опыт остается невидимым: «Культурно обусловленная связь разума с мужским началом и тела с женским началом документально зафиксирована в философии и феминизме. В результате этого любое некритическое воспроизведение различия разума и тела следовало бы переосмыслить, выявляя скрытую гендерную иерархию, которую это различие конвенционально воспроизводит, утверждает и рационально объясняет»⁷⁴, - пишет Дж. Батлер о механизме регуляции общества посредством определения гендерных ролей. Если перевести эту мысль в координаты нашей методологии, то получается, что биовласть сосредоточена у субъектов, определяющих себя мужчинами, поскольку они претендуют на всеобщую субъектность. В то же время женский гендер оказывается в роли подчиненного, этот гендер указывает на отсутствие субъектности.

Дж. Батлер утверждает, что гендерная идентичность представляет собой процесс повторения определенных практик. По мнению Дж. Батлер, гендерная идентичность не является естественным выражением позиции индивида, по факту гендерное поведение проигрывается по заданному сценарию, идеал которого недостижим. «Если субъект не соответствует, хотя бы в некоторой степени, гендерным нормам, общество не признает его как полноценного человека»⁷⁵. Приоритетной задачей гендерных исследований становится выявление социальных позиций женщин и мужчин, которые образуются механизмами угнетения и исключения. К исследованиям феминности как особого опыта подключается область проблем, связанная с маскулинностью.

В результате развития постмодернистских концепций появляется квир-теория. Ее основное положение состоит в том, что доминирующие дискурсы

---

⁷⁴Батлер Дж. Гендерное беспокойство: Феминизм и подрыв идентичности / пер. с англ. К. Саркисова. — М.: V-A-C Press, 2022. С. 134.

⁷⁵ Там же. С. 139.

гендера и сексуальности производят субъекты желания при помощи социального контроля⁷⁶.

Эти идеи были заложены еще у М. Фуко в книге «История сексуальности», в которой он формулирует вопросы о взаимосвязи власти, секса и удовольствия⁷⁷. Его занимает взаимодействие дискурсов, поддерживающих режим человеческой сексуальности: то, каким образом знание о сексе добывается до индивидуального поведения и контролирует повседневные практики удовольствия. С XVII века происходит умножение дискурсов о сексе в самом поле власти. Сексуальность окутывается завесой тайны, накладываются запреты на ее обсуждение вне институций. Контроль за сексом формируется еще в Средние века. В монашестве, посредством обязательства перед исповедью, субъекта вынуждают следить за своим поведением, артикулировать его и оповещать о нем пастырей. Но XVII век сделал это правилом для всех на уровне институций.

М. Фуко заявляет, что секс взят под контроль с целью контролировать рождаемость населения, в этом заинтересовано государство. Чем выше численность, тем мощнее государство: «Ибо разве выведение секса в дискурс не упорядочивается задачей изгнать из реальности те формы сексуальности, которые не подчинены строгой экономике воспроизводства, задачей сказать «нет» тому, что не ведет к появлению потомства, исключить удовольствия на стороне, ограничить или исключить практики, которые не ведут в конечном счете к продолжению рода?»⁷⁸

Квир-теория развивает эту идею дальше и критикует государственную власть. Исходя из постулатов квир-теории именно власть производит субъекты, проводит различие между телами, разделяя их на мужские и женские, определяет гендерные роли, и устанавливает дихотомию в сфере сексуальности. Согласно этой теории, категории гендер и сексуальность конституируются ситуативно и зависят от того, к каким практикам мы обращаемся, а не

---

⁷⁶ Батлер Дж. Гендерное беспокойство: Феминизм и подрыв идентичности. С. 142.

⁷⁷ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. С. 87.

⁷⁸ Там же. С. 134.

кем мы «являемся». Социальный порядок не однозначен и историчен, так как нет объективной истины. Мы можем говорить лишь о рассеянных стратегиях власти, которая поддерживается определенным знанием.

Дискурсы устанавливают нормы, а значит и выявляют отклонения от них, предлагая их интерпретации. Тем самым происходит управление субъектами, и осуществляется отбор их на нормальные и маргинальные. Описание и классификация субъектов является одним из инструментов власти. В работе «История сексуальности» М. Фуко показывает, как наука психология артикулирует понимание личности, исходя из определения сексуальности. Если ранее не гетеросексуальные половые связи воспринимались как неестественные, идущие вразрез с природой, то сейчас психологи стали определять их в качестве девиации личности, объясняя их определенным набором нарушений психики. Психологическое знание породило такие дискурсы, в которых были созданы категории гомосексуалист и садомазохист. Таким образом, появились новые категории сексуальной жизни и стал возможным более жёсткий контроль субъективного опыта индивидуальной личности⁷⁹. На этом примере мы видим, как врачи вторя государственным целям определяют дискурс, благодаря которым биовласть производит отбор субъектов.

Таким образом, гендер, выступающий инструментом биовласти, начинает входить в поле медицинских практик, усиливая государственный контроль над субъектами. Однако вместе с этим, начинают происходить коренные изменения в определении гендера - это понятие проблематизируется учеными и политическими деятелями, собранными в сеть под названием феминизм. Эта ассоциация из научных и политических деятелей выступает оппозиционной силой против прежних норм тела, установленных биовластью.

3. 2. Проницаемые границы маскулинного и феминного тела

---

⁷⁹ Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. 12 лекций по гендерной социологии. С. 361.

Открытие гендерных ролей социологами и активная борьба за права женщин и мужчин начинают перекраивать жизнь современного человека. Каким образом феминистские движения и гендерные исследования отразились на практиках fashion-культуры? Если использовать оптику акторно-сетевой теории, то вопрос можно переформулировать следующим образом. Как сопротивление в лице политических и научных сил смогли повлиять на норму тела в fashion-индустрии? Случилось ли в моде освобождение женщины и мужчины, к которому так стремилась феминистская политика?

Чтобы ответить на эти вопросы, нам необходимо обратиться к прошлому и увидеть каким образом конструировались мужские и женские идентичности в середине XX века, проанализировать, к каким практикам сегодня прибегают женщины и мужчины, чтобы обозначить свою субъектность. Для этого нам необходимо понять, как осуществлялась биовласть в модной индустрии в прошлом? Что поменялось в позиционировании себя посредством fashion-практик и является ли это некоторой формой свободы?

В Европе представление о настоящей женственности воплощалось в образе Леди, создаваемый женщинами из высшего общества. Экономист Т. Велен утверждал, что Леди является собственностью своего мужа, она демонстративно много потребляет для того, чтобы поддерживать высокий статус супруга: «В самом деле, теория дамского платья вполне ясно предполагает: женщина — это имущество»⁸⁰. Как и сегодня модный образ создавался модельерами, но дизайнеры шили наряды только для высшего общества. В основном одежда изготавливалась на заказ. До XX века мода считалась делом исключительно высших классов. Концепция модной динамики, сформулированная Г. Зиммелем, гласила, что именно в моде элиты способны найти знаки различия от других социальных классов⁸¹. Одежда позволяла субъек-

---

⁸⁰ Веблен Т. Экономическая теория дамского платья // Экономическая социология. 2022. Т. 23. № 5. С. 39.

⁸¹ Зиммель Г. Избранное. Философия культуры. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. С. 267.

там, принадлежащим к высшему обществу, указывать на их статусность, поэтому моде отводилась роль разделения социальных классов.

Феминизм видел в образе Леди анахронизм. Политические активистки осуждали ее амбиции на высокий статус, поскольку она претендовала на него за счет своего мужа, и это не выражало поддержки «женских» интересов. С. Бартки утверждает, что идеалы женственности, содержащее в себе столько контроля над собой, создано мужчинами для воспроизводства собственной власти в патриархальном обществе, и поддерживается женщинами, отстаивающие мужской взгляд на женскую красоту⁸².

Таким образом, в начале XX века норма женского тела в fashion-культуре воплощалась в образе Леди, тело которой отражало принадлежность к статусному мужчине. В ее телесности подчеркивается ухоженность, стройность и гетеросексуальность. Биовластью в данном случае выступают сами мужчины, которые диктуют женщине, как именно ей выглядеть. У мужчин сосредоточена власть, поскольку именно они оплачивают наряды и содержат женщин. Женщины подчиняются стандартам норм, выработанными мужчинами. Поэтому главным критерием нормального тела становится быть предметом желания для мужчин.

Как же дело обстоит с истинной мужественностью? Социолог Р.В. Коннелл в книге «Гендер и власть» размышляет следующим образом: «Физический смысл мужественности — непростая вещь. Она включает размер и форму, привычные позы и движения, наличие определенных физических навыков и отсутствие других, образ чьего-то тела, способ, которым оно представляется другим, и способы, которыми другие отвечают ему, способ, которым оно действует на работе и в сексуальных отношениях»⁸³. Из каких практик сегодня в модной индустрии складывается мужская субъектность, а вместе с ней и телесность?

---

⁸² Bartky S. *Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression*. N.Y.: Nachette Book Group, 1990. P. 137.

⁸³ Connell R.W. *Gender and Power. Society, the Person, and Sexual Politics*. R.C.: Stanford University Press. P. 84.

Современная мужская идентичность берет свое начало еще в XIX веке, когда начал зарождаться дендизм. Английский законодатель мод той эпохи, друг принца-регента, будущего короля Георга IV, Б.Браммелл, считал заметную незаметность – «*cospicuous insonspicuosness*» – основным принципом дендизма. Его стиль совершил революцию в мужском образе. Ранее мужчины облачались в роскошные и пестрые наряды, украшали себя драгоценностями и носили пышные парики. Дж.Харви описывает эту эпоху так: «Расшитые атласные костюмы мужчин могли быть тех же цветов, что и женские платья. Полы мужских камзолов были приподняты, держались как бы на отлете, что гармонировало с женскими пенье и робронами (платьями с юбкой на круглом каркасе). Женщины заимствовали у мужчин платья-рединготы, адаптировав их одежду для верховой езды. По-видимому оба пола спокойно воспринимали тот факт, что в женском явственно ощущалось мужское и наоборот»⁸⁴.

Стиль денди провозгласил закон сохранения выразительности, его главными чертами стали лаконичность, отказ от излишеств и ярких цветов. В истории моды это явление называли «великим мужским отказом». Пышные и цветные наряды теперь носили только женщины. Минимализм в одежде проявился в костюме-тройке (фрак, сорочка и жилет), который стал прародителем классического делового костюма с галстуком. Таким образом, дендизм определил внешний вид мужчины на два столетия вперед и стал маркером не только статусности, но и мужественности.

Этот пример ярко отражает идею того, что тело способно выступать в роли сопротивления власти. Б. Браммелл пошел наперекор общественному вкусу и стал носить строгие костюмы, и тем самым вступил в борьбу с био-властью fashion-культуры того времени. Вместе с портными, создававшими наряды для Б.Браммелла в соответствии с его стилем, денди образует сеть сопротивления норме мужского тела. Он вводит новое различие в знание, как должен выглядеть мужчина из элитного класса. К этой сети активно подклю-

---

⁸⁴ Харви Дж. Люди в черном. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 208.

чается остальная знать, которая и составляет биовласть. Мужчины из высшего общества интернализируют желание Б.Браммелла выглядеть и вести себя как денди. Новому стандарту тела подчиняются остальные аристократы, кому приходится по нраву вкус Б.Браммелла в одежде. Таким образом, нивелируется сопротивление, а биовласти становится еще больше за счет ее способности обнаруживать напряжение и включать его в свои сети.

Дж. Сибрук так описывает гардероб своего отца, человека из высшего общества второй половины XX века: «Мой отец был известен своей любовью к нарядам. Когда я вспоминаю его долгую и наполненную событиями жизнь, то в разные ее моменты он неизбежно предстает передо мной в великолепно сшитых на заказ костюмах⁸⁵». Деловой костюм являлся иконой мужского стиля на протяжении всего XX века. Дж. Сибрук продолжает: «Отец создал для себя целый мир одежды. У него были костюмы с длинными пиджаками, английские костюмы, шерстяные костюмы, костюмы из саржи и габардина, белые льняные костюмы для Палим-Бич и Ямайки до появления кондиционеров, костюмы из шотландки и укороченные полуприлегающие пальто для посещения матчей между Престоном и Дармутом, которые были позднее в сезоне. Костюмы для различных типов деловых мероприятий: от убеждения финансистов в жизнеспособности нового проекта (яркие полосы) до умиротворения разъяренных акционеров, чья доля в компании уменьшится из-за новой инициативы менеджмента (скромный костюм из гладкой блестящей ткани)⁸⁶».

Как мы видим, черты мужественности начали меняться в XIX веке, и в XX веке классическим образом мужчины стало тело, облаченное в деловой костюм. В гардеробе высокопоставленного в обществе мужчины мы обнаружим деловые костюмы на все случаи жизни, обязательно сшитые из дорогих и качественных материалов. Такая норма мужского тела была задана Б.Браммеллом, чье желание одеваться как денди было интернализовано

⁸⁵ Сибрук Дж. Nobrow. Культура маркетинга. Маркетинг культуры. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. С. 55.

⁸⁶ Там же. С. 57.

другими мужчинами из правящих элит. Это означает, что биовласть создала такое знание о норме мужского тела, в котором деловой костюм является маркером мужского гендера.

Однако не только манера одеваться указывала на норму в мужском поведении. А. Ваньке в статье «Мужские тела, сексуальности и субъективности» пишет о том, что современная маскулинность множественна, и одним из источников дифференциации ее является профессиональная сфера. На сегодняшний момент интеллектуальная работа оплачивается выше, чем ручной труд. Чтобы добиться успехов в обществе мужчинам необходимо получить высшее образование и трудиться в офисе. А. Ваньке подчеркивает, что «режим офисного труда требует, чтобы белые воротнички уделяли внимание состоянию своего тела, внешнему виду и манерам поведения—делали вложения в свою телесность для достижения успеха»⁸⁷. Отсюда следует, что не только женщины тщательно следят за своей фигурой, ухаживают за лицом и занимаются спортом, но и мужчинам контроль над своим телом тоже не чужд. Современные мужчины, как и женщины, заинтересованы в том, чтобы их тела выглядели привлекательно, атлетично и отвечали требованиям здоровья. С чем же связано желание мужчин уделять столь много внимания своему телу сегодня?

В 60-е годы XX века происходит взлет поп-культуры, после которого высшее общество перестает претендовать на место единственного законодателя мод. Поп-культура находится в тесном контакте с нарастающей силой феминизма в 60-е, новые звезды впитывают принципы женского движения. Идеи феминизма начинают влиять на их самоопределение. Происходит перераспределение сил внутри сети fashion-культуры – стандарты нормального тела начинают диктовать деятели искусства, идентичности которых формируются под влиянием женского движения. Так силы сопротивления, воплотившиеся в сети политических активистов и исследователей гендерной социологии, соединяются с действиями коллективов, работающих

---

⁸⁷ Ваньке А. Тела и сексуальности сквозь призму феминистской критики. С. 94.

в сфере искусства. Таким образом, сети и дискурсы разрастаются, превращаясь из сопротивления в биовласть.

Появляются новые иконы стиля: рок-звезды и юные модели подрывают авторитет светских львиц, а вместе с этим и положение Леди в мире fashion. «Гламур никогда не выходил из моды, но образы, ассоциирующиеся с праздным великолепием и зависящие от поддержки состоятельного мужчины, стали куда менее влиятельными⁸⁸», - подмечает теоретик моды Р. Арнольд, рассуждая об изменениях в fashion-культуре.

В 80-е годы становится популярен образ женщины в деловом костюме. Феминистские идеи приносят свои плоды. Женщина наконец-то получает реальную власть в социуме: образование становится более доступным, появляются социальные гарантии для женщин-профессионалов, открываются новые вакансии и возможности для карьерного роста. Этот успех как нельзя лучше выражен в рекламных кампаниях дизайнера Донны Каран: ухоженные модели, одетые в черные деловые костюмы, легко справляются с профессиональной деятельностью и материнскими обязанностями, держат все под своим контролем. Их одежда – деловой дресс-код – была показателем их высокого заработка, а значит самостоятельности и независимости от мужчин.

Женский опыт дополняется новыми практиками: отстаивание своих прав и работа наравне с мужчинами. В итоге женская идентичность начинает приобретать маскулинные черты в телесной репрезентации. Если мы обратимся к акторно-сетевому анализу, то увидим, что трансформация женской телесности происходит за счет того, что линия границы различия мужского от женского сдвигается – происходит переопределение понятия женственности. Это изменение осуществляется благодаря сети сопротивления, состоящей из ассоциации ученых и политических деятелей. К ней начинают подключаться сети из женщин, занятых в сфере труда.

---

⁸⁸ Арнольд Р. Мода, желание и тревога. Образ и мораль в XX веке. С. 23.

Внешний вид женщины-профессионала нам показывает, что если женщина теперь может выполнять тот же набор практик на рынке труда, что и мужчина, то выглядеть она должна также, как и мужчина. Это значит, что на женскую идентичность накладывается идентичность человека-профессионала, то есть деловой костюм становится пропуском в мир мужских профессий, где женские тела до этого не были представлены.

Поскольку женский гендер раньше не был репрезентирован в трудовой сфере, мы можем говорить о том, что в сети начинают включаться новые акторы и новые тела соответственно. Мы знаем, что в каждой сети биовласть поддерживает стабильность взаимодействия акторов, участвуя в их самоопределении и организуя их повседневные практики. В связи с включением новых акторов в сеть, происходит перестройка связей внутри сети. Поскольку новые тела обладают способностью привносить что-то новое в мир, то они меняют характер взаимодействия акторов. Поэтому с включением женских тел в сеть мужчин-профессионалов, включается и нечеловеческая агентность – одежда, аксессуары, обувь, косметика.

Но и сами акторы подвергаются влиянию сети, так именно власть с помощью своих инструментов способна исключать другие виды знания и производить отбор новых агентов. Таким образом, мы можем наблюдать изменение в женской телесности, которая обучилась «мужским» профессиям, заимствуя маскулинную эстетику в профессиональной деятельности. То есть встраивание одной сети в другую предполагает изменения в идентичности новых акторов. А вместе с этим производятся новые тела – женщины в деловых костюмах. Изначальный протест женщин против своего порабощенного положения мужчинами приводит к тому, что их тела начинают приобретать новую идентичность. Это происходит за счет подчинения женщин дискурсам профессиональной деятельности, и таким образом, их тела учатся выглядеть и вести себя как мужчины, поскольку ранее сфера занятости принадлежала в основном мужчинам.

Так появляется мода на андрогинность или гендерную нейтральность, где мужские и женские силуэты имеют примерно одинаковую форму тела и одеты в гендерно неразличимые одежды. Под гендерной нейтральностью мы понимаем практику, предполагающую, что в «языке и различных социальных взаимодействиях не отдается предпочтение тем или иным гендерам и полам в выполнении тех или иных социальных ролях, чтобы избежать гендерной дискриминации или неоправданных преимуществ того или иного гендера»⁸⁹.

В fashion-культуре гендерная нейтральность воплотилась в моде на унисекс в середине 90-х годов XX века. Ярким примером являются модные показы модельера Кельвина Кляйна и модели Кейт Мосс. На фотографии коллекции Кельвина Кляйна модели рекламируют джинсы, их торсы обнажены, как бы уравнивая, таким образом, мужчину и женщину. В соответствии с гендерными предписаниями обнажать грудь мужчинам разрешается, а женщины должны ее прикрывать одеждой. Тем не менее, не смотря на одинаковый покрой джинс, голая грудь не смогла уравнять между собой мужчину и женщину, а снова высветила их разницу, проявившись в гетеросексуальном подтексте.

Мода на андрогинность начала появляться еще в 1980-х, когда феминистские идеи получили реальное воплощение в жизни женщин. Законодателями мод тогда стали музыкальные рок-исполнители Д.Боуи и Э.Ленок. Они были первопроходцами в мир гендерной нейтральности. Д.Татаркова пишет для журнала «Wonderzine», что «в массовом сознании образ Боуи практически равняется понятию андрогинности — он стал лицом революции внешности и сексуальности 70-х и 80-х. При этом Боуи оставался гетеросексуальным мужчиной: его образы были призваны не доказать его сексуальность, а ровно наоборот — показать, что гендерные нормы имеют мало общего с ней»⁹⁰.

---

⁸⁹ Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. 12 лекций по гендерной социологии. С. 134.

⁹⁰Татаркова Д. Сэр пол:10 андрогинных рок-звезд // Wonderzine [Эл.ресурс]. URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/entertainment/music/201819-girls-who-are-boys-who-like-boys-to-be-girls> (дата обращения 30.04.2023)

Рок-певица Э.Ленок выступает с короткой стрижкой и в мужских нарядах, тем самым делая заявление о том, что является, в первую очередь, профессиональным музыкантом, а, лишь во-вторую, женщиной. Еще одним ярким примером становится исполнительница панк-рока Патти Смит - это икона андрогинности. На обложке ее альбома «Horses» внешность П.Смит граничит с мальчишеским образом. На фотографии она находится в расслабленной позе, с небрежно уложенной прической и в мужской одежде. Кроме того, исполнительница панк-музыки занималась искусством в независимом театре с трансгендерной актрисой Дж.Кантри. Опять мы здесь можем видеть то, как женщины, присоединяясь к сети профессионалов-мужчин, начинают менять свое тело, подчеркивая маскулинные черты внешности. Таким образом, женщины начинают переопределять гендерные роли, вводя новый дискурс – женщины тоже могут быть профессионалами.

Однако, когда к сети профессионалов присоединяются новые акторы с женской идентичностью, начинают изменяться и мужские тела. Это происходит по той причине, что взаимосвязи внутри сети перестраиваются, и результатом таких изменений становится изменение и идентичностей остальных акторов, входящих в эту сеть. Тела, которые повлияли на трансформацию взаимодействий акторов (поскольку они способны не подчиняться био-власти и создавать нечто новое), в итоге, меняют и идентичности других тел, связанных этой сетью.

Иллюстрацией изменения телесности внутри реорганизованной сети является жизнь музыканта Дж. Пи-Орридж, превративший свою идентичность в эксперимент. В 90-х он женился на Леди Дж. Брайер Пи-Орридж, после чего пара проходит несколько пластических операций, чтобы сблизиться друг с другом по внешности. Кроме изменения своих тел, супруги меняют и дискурсивные практики обращения к себе. Они отказываются от наименования «он» или «она» и просят от других того же: по отношению к нему/ней просят употреблять гендерно нейтральные местоимения «s/he», «h/er», and «h/erself».

Таким образом, включаясь в сеть мужчин-профессионалов, женщины становятся причиной перемен во взаимосвязях внутри сети, производя новую телесность и дискурсивность. Изменения в телесной идентичности происходят обоюдно направленно: то есть как и женское тело начинает обретать маскулинные черты, так и мужские тела постепенно начинают отказываться от своей маскулинности, тяготея к нейтральности. Дискурсы феминизма, сопротивляющиеся норме тела в модной индустрии, распространились на сети деятелей искусства. Музыкальные исполнители, художники и артисты поддерживали революционное знание о гендере, трансформируя свои тела в соответствии с новыми принципами. Так новое знание породило новые тела, а фотографы и журналисты распространили их образы и установки в медиа. Поскольку журналисты обладают правом на авторитетные высказывания в fashion-культуре, мы можем наблюдать превращение практик сопротивления в инструменты биовласти.

Если в конце XX века андрогинность выступала в качестве революционной силы в гендерных фреймах, то начиная с 2010-х годов она становится повсеместной – то есть той нормой, которая организует повседневные практики людей, и к которой люди сами хотят стремиться. Унисекс становится одним из вариантов нормальной телесности как для женщин, так и для мужчин. Люди интернализируют желание выглядеть с безразличием к полу, тем самым задается новый стандарт в определении собственной идентичности человека. В fashion-практиках возникает проницаемость границ между мужским и женским гендером.

Новой формой свободы в определении мужского и женского становится гендерно-нейтральный образ мужчин, тяготеющий к феминности: мужские модели начинают обретать женские черты. Если раньше мужчина, пользующийся макияжем или использующий украшение в своем гардеробе стигматизировался как гомосексуальная личность, то сегодня в мире моды связь между ориентацией и внешностью стараются разорвать.

Эта новая возможность самовыражения в fashion-культуре связана с политическим движением ЛГБТ и квир-теорией, которые отстаивают голоса тех, кто ранее был маргинализован по причине инаковости в сексуальной ориентации или гендерной принадлежности. Они доказывают, что кроме гетеросексуальности существуют и другие формы желаний, и стремятся вывести их из девиантного статуса. ЛГБТ исходит из философии М. Фуко: сексуальность – это дело политики, и она регулируется государством с целью повышения рождаемости. Негетеросексуальные отношения не соответствуют интересам государства, поэтому преследуются законом.

В результате борьбы за права небинарных личностей в начале XX века в моду входят трансгендерные модели, такие как модель Леа Т и Андрей Пежич. Леа рекламировал женскую марку одежды, а Андрей позировал модным фотографам вместе с Я. Кнауеровой в образе двойняшек, снимаясь в женском образе, платьях и юбках. Или, например, выходит журнал *Candy* с фотографией актера Дж. Франко с ярким макияжем на обложке. В декабрьском номере 2020 года главного журнала высокой моды «Vogue» мы видим фотографию британского музыканта Г. Стайлза в платье⁹¹.

В то время, как мужчины в модных журналах появляются в феминных образах, женские идентичности в моде становятся еще более мужественными. Ж. Бундхен с внешностью канонической красавицы снимается в рекламной кампании Balenciaga в образе андрогина. Тогда же публикуется выпуск о Ф.Б. Эриксен в «Purple Magazine» с подписью: «Инес ван Ламсвирде и Винод Матадин сфотографировали 22-летнюю датскую модель Фрею Беха Эрихсен, чья беззастенчивая андрогинность является живым доказательством того, что вы можете быть одной из самых важных моделей в современной моде, не скрывая своего тела или сексуальности и не приспособливаясь к стереотипному женскому образу⁹²». Этот материал был

---

⁹¹ Playtime With Harry Styles // Vogue. 2020. November [Эл.ресурс]. URL: <https://www.vogue.com/article/harry-styles-cover-december-2020> (дата обращения 30.04.2023)

⁹² Purple MAGAZINE. 2010. №13 [Эл.ресурс]. URL: <https://purple.fr/magazine/ss-2010-issue-13/freja-beha-erichsen/> (дата обращения 13.04.2023)

озаглавлен «Freja Beha Erichsen: a study in androgyny», что в переводе означает «Фрея Беха Эриксон: исследование андрогинности».

Такое взаимопроникновение женского в мужское, а мужского в женское возможно, поскольку само тело имеет способность к изменчивости и обучаемости. Новое знание о теле, созданное социологами, открыло возможность играть с границами гендерных идентичностей. Если раньше мужчина мог переодеваться в женщину ради потехи (нарушение стандартов нормы делает этот факт смешным), то сегодня мужчина в дамском платье заявляет о себе вполне серьезно.

Стремление к гендерной нейтральности в fashion-культуре за последние несколько лет также проявляется в стиле одежды Oversize, в которой признаки гендера затираются просторным кроем и мешковатыми силуэтами. Под одеждой Oversize телесность индивида становится как будто бесполой, скрывающей какие-либо различия. Oversize крой для своей весенней коллекции в 2021 году выбрали такие бренды как Balenciaga, Prada, Valentino, Schiaparelli, Louis Vuitton и Fendi.

Однако изменения в идентичности мужского и женского тела происходят не только на уровне внешности, само тело сегодня можно трансформировать с помощью медицинского вмешательства. Если раньше признавалась проницаемость границ в гендерных ролях при жестком биологическом детерменизме – пол был постоянной категорией, то сегодня возможность сделать операцию по смене пола ставит вопрос о гендерных ролях ребром. Эту возможность технически реализует медицина посредством пластической хирургии и гормонально-заместительной терапии. Появление новых тел (трансгендер) с «переделанным» полом вызывает массу вопросов в политической сфере. ЛГБТ-сообщества берут на себя ответственность отстаивать права и интересы трансгендеров перед общественностью.

Казалось бы, современная медицина и развитые технологии позволяют человеку сегодня выбирать свою телесность, перед ним открывается возможность менять свой биологический пол, а вместе с ним и гендерный фрейм в

поведении. Не оборачивается ли свобода выбора гендера и пола иной формой контроля?

Яркой иллюстрацией возможности такого выбора является случай братьев Вачовски. Режиссеры культовой кинокартины «Матрица» совершили операции по смене пола и стали сестрами Вачовски. В газете «Аргументы и факты» напечатали интервью теперь уже с Лилли Вачовски: «У меня была поддержка моей семьи и средства для того, чтобы пройти всех врачей, которые дали мне шанс пережить этот процесс. Транссексуалы без поддержки, средств и привилегий не имеют такой возможности. Многие из них не выживают»⁹³. Из вышесказанного ясно, что смены пола, на самом деле, не происходит, а возникает некая другая категория пола, в связи с которой появляется определение субъекта как небинарной личности. Из утверждения Л. Вачовски мы узнаем, что трансгендеры без поддержки врачей и близких не выживают. Что это означает? Изменения пола требуют колоссальных вложений, перестраивания физиологических процессов тела, адаптации тела к переменам, а также «переучивания» его гендерных ролей. Тело пластично и динамично, его особенностью является способность к обучению и изменчивости, поэтому идея смена пола и гендера имеет под собой основание. Однако смена пола не заканчивается на пластической операции, она только разворачивает перед телом долгий и трудный путь к переобучению, получению новых навыков, кардинальной трансформации.

В этом процессе создания нового тела участвует большая сеть, созданная из врачей, политических сил (ЛГБТ, феминизм), и нечеловеческой агентности (медицинского оборудования, фармацевтических средств, предметов гардероба, косметики). Чтобы тело не погибло, ему в большей степени необходимо подчиняться медицинским стандартам, так как пластическая операция и восстановление требует выполнение четких инструкций, разработанными врачами. Чтобы права человека с новым телом соблюдались государ-

---

⁹³ Половая перезагрузка. Как братья Вачовски стали сестрами // Аргументы и факты [Эл.ресурс]. URL: https://aif.ru/society/people/polovaya_perezagruzka_kak_bratya_vachovski_stali_sestrami (дата обращения 15.04.2023)

ством, субъект включается в борьбу за свои интересы, которые ранее не были представлены в юридической практике. Получается, что названная свобода оборачивается усилением контроля над телом, смена пола не освобождает субъект, а ставит перед ним еще более жесткие требования, уже ранее сформулированные медицинскими и политическими силами.

Изменение пола на данный момент нельзя назвать нормой, потому что к этой практике прибегают крайне редко и это явление на сегодня носит характер сенсации. Норма же – это повседневные практики, те очевидные действия, на которые человек, как правило, не обращает внимание.

Возможность поменять пол стало радикальным выражением феминисткой идеи о гендере как о социально заданной практике. Исходя из этого мы убедились, что женская и мужская идентичность имеют подвижные границы, мужские и женские тела способны превращаться друг в друга, используя одежду, макияж, язык тела. Проявление сопротивления биовласти, ее нормам приводят к ее ответным действиям – женщинам можно теперь работать, но вместе с этим они не перестают ухаживать за собой, при этом должны соответствовать деловому дресс-коду. Мужчины теперь трудятся наравне с женщинами и находятся в большей конкурентной борьбе за повышение, поэтому должны следить за собой тщательнее и ухаживать за собой не меньше, чем женщины.

Таким образом, границы между мужскими и женскими идентичностями смещаются: появляется свободное смешение женского с мужским или полное исчезновения пола в телесной репрезентации. Это проявляется в сарториальных практиках и в биофизическом перекраивании тела. В итоге, современному телу разрешается выглядеть как бесполом, так и одновременно вмещающим в себя женское и мужское. Гендерные различия в fashion-индустрии становятся игрой, как бы снимая значимость принадлежности к тому или иному полу, демонстрируя тем самым равенство между полами.

Однако заявленное феминистками и ЛГБТ-сообществами равноправие и освобождение мужчины и женщины так и не достигается. Пока мы можем

наблюдать, как изменения в телесной норме в fashion-культуре еще больше ожесточают контроль над телом субъектов. Те силы, которые выступали против стандартов биовласти, начинают примыкать к ней и становиться ее частью.

Таким образом, идея переопределения различий между женщиной и мужчиной активистами и учеными проникает в умы модельеров и журналистов, которые создают наряды и образы согласно этому дискурсу. Внешность мужчины и женщины размываются, их категории становятся пустыми: мужчина может красить ногти и носить кружевное белье, женщина отращивать бороду и брить голову.

Более того, если раньше разделение между мужчинами и женщинами было конкретным и жестким, одно исключало другое, то сейчас появляются «смешанные» полы - трангендеры и небинарные личности. То есть бинарный дискурс о поле и гендере становится множественным и гетерогенным. Важность принадлежности к определенному полу в связи с включением женщин в сеть профессионалов утрачивает свою значимость. Однако внутри сети возрастает конкуренция между человеческими акторами, поэтому увеличивается и контроль над своим телом, так как чем выше контроль, тем больше шансов на победу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей магистерской диссертации было проведено исследование, целью которой было проанализировать изменение нормы тела в fashion-культуре под воздействием практик сопротивления этой норме. В работе было показано, что обретение нормального тела – это неоднозначный и противоречивый процесс, в котором существуют практики биовласти и сопротивления. Для этого было рассмотрено становление и развитие концепта тела в истории философии. Выяснилось, что проблема тела была поставлена еще в Античности, и актуальность ее со временем только возрастала. Так в современной философии тело стало центральным объектом для исследования.

В качестве методологии исследования была выбрана философия М.Фуко, поскольку именно в его подходе прослеживается взаимосвязь практик власти, нормы и тела. М. Фуко разработал понятие «биовласти» как рассеянных стратегий, чтобы показать, как тело конструируется посредством установленных дискурсов. Поскольку у М. Фуко была недостаточно проработана проблема материальной агентности, к работе была подключена акторно-сетевая теория Б. Латура, которая дополнила словарь понятиями «актор», «сети» и «артикуляция». Сближение двух подходов позволило охватить человеческую и не-человеческую агентность и уравнивать их на основании понятия действия. Преимуществом данной методологии является возможность выйти за пределы дуализма субъект-объектной эпистемологии и выстроить плоскую онтологию вещей и людей.

В ходе работы понятие тело было определено в качестве динамического объекта, способного постоянно меняться, а также совершать выбор – подчиняться или сопротивляться биовласти, не только блокируя действие власти, но и перестраивая существующие связи внутри сети. Тело может артикулировать различия и благодаря этому создавать новые сущности. Поэтому тело никогда нельзя назвать завершенным, у него всегда есть

возможность претерпеть трансформации и получить новые способности. Было показано, что сопротивление биовласти ведет к созданию новых типов тел.

На примере журналов и рекламных кампаний обнаружилось влияние медицинских дискурсов на норму тела в модной индустрии. Выяснилось, что в начале XX века в модные нарративы все чаще начинает проникать власть врачей, имеющих привилегированный доступ к знанию человеческого тела. Врачи вносят новые различия в уже имеющийся до этого дискурс о теле, и его подхватывают модные журналисты, имеющие авторитетное мнение в fashion-культуре. Таким образом, благодаря артикуляции новых различий происходит перестройка связей внутри сети – возникают новые ограничения, наложенные врачами. Потребители моды интернализируют стандарты нормы обеих сторон – врачебные пожелания и пожелания модных обозревателей. Присвоение желаний происходит не прямолинейно, новая стратегия поведения возникает из сопротивления одним правилам и подчинения другим.

Дискурсы бодипозитива о теле становятся сопротивлением прежней норме, формирующей идентичность субъекта по принципу внешних параметров, исключавших обладателя тела из нормы fashion-культуры. Политическое движение, объединившееся с врачебной практикой, становится сетью, внутри которой рождается новая истина, переопределившая взаимоотношения акторов внутри моды. Это не просто прямое блокирование действий биовласти, а проактивная стратегия: обнаружение механизмов власти, критика ее и переопределение понятия тела. То есть политическое движение проводит различия не там, где раньше они были проведены биовластью. Это значит, что внешность тела получает самоценность, вместе с которой признается право на многообразие, а критерием нормального тела становится способность к обучению.

В настоящем исследовании было выявлено напряжение, которое создается между практиками нормализации и сопротивления, в результате которых производится новый тип тел. Было показано, что ранее маргинализован-

ные группы, отличающиеся от нормальных по внешности и по категории здоровья, сегодня благодаря политическому активизму и медицинскому обслуживанию получают право голоса, а также возможность работать наравне с остальными. С появлением в модной индустрии людей с ограниченными возможностями, изначально заданная биологическая структура тела субъекта теряет свою значимость, важным становится то, какие усилия человек прилагает в достижении своей цели. Биовласть создает нарратив, в котором стимулирует действовать по сценарию, ведущему к норме: «недостатки» в телесности превращаются в вызов и мотивацию для осуществления цели быть модным. Это доказывает тезис М.Фуко о том, что биовласть занимается не только подавлением и репрессиями, но и производит определенное знание и соответствующие тела.

Кроме изменений в расстановке социальных сил и переосмысления нормы модного тела, происходят перемены и в сфере технологий. За последние десятилетия медицинская техника сильно продвинулась в поддержании здоровья людей. Помимо этого, сеть Интернет позволила актерам быть видимыми в виртуальном пространстве – вести личные страницы в социальных сетях Instagram, Telegramm, Facebook, откуда их голоса могут быть услышанными. Благодаря Интернету потребители моды могут становиться производителями моды, то есть создавать свои модные дискурсы. Так It-технологии и медицинская техника выступают той материальной агентностью, которая вносит свои изменения в работу сети.

Тем самым происходит изменение понимания нормального тела. С одной стороны, телу разрешается различаться по внешности (и категории здоровья), с другой стороны, происходит ожесточение контроля над телом – правильное питание, регулярная физическая нагрузка и пристальный косметический уход. Чем больше совершается действий сопротивления, тем больше отвечает биовласть.

Было показано, что сегодня модные медиа поддерживают принципы бодипозитива, сформировавшиеся как реакция на «токсичные» модные кано-

ны, ведущие к патологии и смерти, к стигматизации людей по возрастным и другим признакам, которые делали их маргинальными (норма - молодой, худощавый, высокий, белокожий и т.д.). Новая норма провозглашает экологичное отношение к своему телу, стимулирует «заботиться о себе» своих потребителей и осуждает озабоченность внешним видом, предлагая здоровое отношение к своему телу, принятие индивидуальных различий по этническому, классовому и другим признакам.

Феминистский дискурс предполагал, что принятие многообразия тел и отказ от оценивания внешности, а также подчеркивание ценности опыта тела приведет к освобождению. На деле было доказано, что новые требования политического движения накладываются на старые стандарты тела, добавляя больше контроля над ним. Те практики, которые ранее считались практиками сопротивления, становятся частью биовласти, включаясь в установление норм тела. Так происходит, потому что сама власть предполагает наличие сопротивления или свободы, иначе разговор о власти был бы бессмысленным. Власть множится, поскольку ее главной стратегией является обнаружение практик сопротивлений и включения их в свою сеть. Так сопротивление модным тенденциям врачами и политическими активистами, выраженное в проактивном поведении и переопределении понятия тела, вылилось в то, что модельеры и fashion-журналисты переняли эти стратегии, включив бодипозитивистов в свои ассоциации. Таким образом, новые истины разрастались, изменяя связи между акторами внутри сети.

В работе было освещено развитие гендерных исследований в социальном знании и их влияние на мужскую и женскую идентичность в fashion-культуре. Было показано, что гендер, выступающий инструментом биовласти, начинает входить в поле медицинских практик, усиливая государственный контроль над субъектами. Однако вместе с этим, начинают происходить коренные изменения в определении гендера - это понятие проблематизируется учеными и политическими деятелями, собранными в сеть под названием феминизм. Эта ассоциация из научных и политических деятелей

выступает оппозиционной силой против прежних норм тела, установленных биовластью.

В настоящем исследовании были рассмотрены практики в fashion-культуре, конструирующие гендер, а также была проанализирована трансформация гендерной телесности под воздействием науки и политики. Было доказано, что границы между мужскими и женскими идентичностями смещаются: появляется свободное смешение женского с мужским или полное исчезновение пола в телесной репрезентации. Это проявляется в сарториальных практиках и буквально в биофизическом перекраивании тела. Современному телу разрешается выглядеть как бесполом, так и одновременно вмещающим в себя женское и мужское. Гендерные различия в fashion-индустрии становятся игрой, как бы снимая значимость принадлежности к тому или иному полу, демонстрируя тем самым равенство между полами.

Однако заявленное политическими движениями равноправие и освобождение мужчины и женщины так и не достигается. Изменения в телесной норме в fashion-культуре еще больше усиливают контроль над телом субъектов. Те силы, которые выступали против стандартов биовласти, начинают примыкать к ней и становиться частью ее. Внутри сети возрастает конкуренция между человеческими акторами, поэтому увеличивается контроль над своим телом.

Благодаря политическому активизму, развитию медицины и технологий мы наблюдаем трансформацию нормального тела в fashion-культуре. Сегодня становится важным увидеть гетерогенность тел в социуме: fashion-культура посредством репрезентации и обсуждений помогает принять различия тел и определить их ценность, не зависимо от их формы и цвета. Однако новая норма не приходит на место старой, а скорее, одни стандарты накладываются на другие, тем самым усиливая контроль над телом.

Таким образом, нормальное тело сегодня – это тело постоянно занятое своим усовершенствованием, погруженное в многочисленное количество практик по уходу и заботе о себе. Непременным условием нормальности тела

становится его высокая обучаемость новому, его способность испытывать на себе разнообразное влияние и чувствовать себя благополучно.

Степень научной новизны полученных итогов исследования.

Настоящее исследование содержит в себе новую постановку известной задачи – определить степень свободы нормальной телесности в fashion-культуре. Новизна научной работы заключается в углублении старых идей М. Фуко и Б. Латура. В работе был проведен критический анализ их точек зрения, и сопоставление их в свете задач научного исследования привело к компромиссному решению. В итоге автором была разработана методология, основанная на фукианской теории и акторно-сетевом анализе.

Новизной данного исследования также является применение методологии Б. Латура и М. Фуко в другой области знания – fashion-культуре. Таким образом, магистерскую диссертацию составляют новые разработки, которые расширяют существующие границы знания в истории философии и теории культуры.

Подтверждение или опровержение научной гипотезы, указанной во введении работы.

В настоящем исследовании подтверждается гипотеза о том, что изменение нормы тела в fashion-культуре происходит за счет практик сопротивления, осуществляемых ассоциациями врачей, политических деятелей, ученых и деятелей искусства. Было доказано, что новые стандарты тела, установленные революционными силами, накладываются на прежние стандарты био-власти, усиливая тем самым контроль над телом. Таким образом, провозглашенное освобождение тела не происходит, вместо этого осуществляется наложение стандартов новой нормы на старую.

Рекомендации о применении в теории/практике изучаемой отрасли знаний. Исследование будет полезно в образовательной и научной сфере: в социологическом знании и философии культуры.

Авторские выводы по проделанной работе, а также перспективы дальнейшего изучения проблемы.

На основании проведенного исследования, можно сделать следующие выводы: методология, основанная на теории М. Фуко и акторно-сетевого анализа позволяет изучать не только социологическое знание и историю науки, но и применима к теории культуры. С точки зрения автора, проблема тела только начинает исследоваться в философии, поэтому перед нами открываются следующие перспективы: влияние фармакологии на повседневные телесные практики, изменение ценностных оснований в терапии тела, перемены во взгляде на медицину: тело как субъект, виртуальное тело: связь на расстоянии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аристотель. Евдемова Этика / Аристотель. — М.: Ифран, 2013. — 448 с.
2. Арнольд Р. Мода, желание и тревога. Образ и мораль в XX веке / Р.Арнольд. — М.: НЛО, 2016. — 176 с.
3. Барт Р. Избранные работы. Семиотика: Поэтика / Р.Барт; пер. с франц. под ред. Г.К. Косикова. — М.: Прогресс, 1989. — 616 с.
4. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / Р.Барт. — М.: Издательство им.Сабашниковых, 2003. — 512 с.
5. Батлер Дж. Гендерное беспокойство: Феминизм и подрыв идентичности / Дж.Балер; пер. с англ. К. Саркисова. — М.: V-A-C Press, 2022. — 272 с.
6. Бодипозитив: вред или польза, как связан с феминизмом и где разумная грань? Объясняет врач-психиатр // Яндекс Дзен. [Эл.ресурс]. URL: <https://dzen.ru/media/id/5e5e195e23f6716bacbc570a/bodipozitiv-vred-ili-polza-kak-sviazan-s-feminizmom-i-gde-razumnaia-gran-obiasniaet-vrachpsihiatr-615b1bcf8020442c6468bf20> (дата обращения 10.04.2023)
7. Ваньке А. Тела и сексуальности сквозь призму феминистской критики / А.-Ваньке // Логос. 2018. Т.28. № 4. — С. 82-84.
8. Ваньке А. Мужские тела, сексуальности и субъективности/ А.Ваньке // Логос. 2018. Т.28. № 4. — С. 85-108.
9. Вахштайн В. Дело о повседневности / В.Вахштайн. — М.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. — 121 с.
- 10.Вахштайн В. Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории / В.Вахштайн // Социология вещей. Сб. ст.; под ред. В.Вахштайна. — М.: издательский дом «Территория будущего», 2006. 673 с.
- 11.Веблен Т. Экономическая теория дамского платья / Т.Веблен // Экономическая социология. 2022. Т. 23. № 5. — С. 39-46.
- 12.Вудворд С. Почему женщины носят то, что они носят / С.Вудворд. — М.: Новое литературное обозрение, 2007. — 138 с.

13. Гарфинкель Г. Исследование по этнометодологии / Г. Гарфинкель. — СПб.: Питер, 2007. — с. 335.
14. Гваттари Ф. Анти-Эдип / Ф. Гваттари, Ж. Делез. — СПб.: У-Фактория, Астрель, 2010. — 896 с.
15. Глигоровска К. Таинственный ящик Пандоры / К. Глигоровска // Новая норма. Гардеробные и телесные практики в эпоху пандемии / Под ред. Л. Алябьевой. М.: НЛЮ, 2021. — С. 61-75
16. Дауд В. Идеальное тело в представлении древних греков. BBC News Украина. 2015 / В. Дауд. [Эл. ресурс]. URL: https://www.bbc.com/ukrainian/ukraine_in_russian/2015/04/150404_ru_s_greek_ideal_body (дата обращения 28.04.2023)
17. Де Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / М. Де Серто; пер. с франц. Д. Калугина, Н. Мовниной. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. — 330 с.
18. Девис А. Женщины, раса, класс / А. Девис. М.: Издательство «Прогресс», 1987. — 280 с.
19. Делюмо Ж., Батай Ж. Пустота страха / Ж. Делюмо, Ж. Батай. — М.: Алгоритм, 2019. — 240 с.
20. Здравомыслова Е. А. 12 лекций по гендерной социологии / Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. — 768 с.
21. Зиммель Г. Избранное. Философия культуры / Г. Зиммель. — М.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. — 432 с.
22. Игнатенкова Г. Биовласть и плазма: как ковид заставил акторно-сетевую теорию перестать бояться и полюбить Фуко / Г. Игнатенкова // Логос. 2017. Т. 31 №2. — С. 105-126.
23. Керимов Т. Х. Социальная философия: Словарь / Т. Х. Керимов, В. Е. Кемеров. — М.: Академический Проект, 2003. — 560 с.

24. Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека / Э.Кон. — М.: издательство Музея современного искусства «Гараж», Ad Marginem, 2018. — 344 с.
25. Крушинская К. Таймлайн: лучшие модные съемки Твигги / К.Крушинская // Blueprint [Эл. ресурс]. URL: <https://theblueprint.ru/fashion/timeline/twiggy-shoots> (дата обращения 10.04.23)
26. Лакан Ж. Психозы / Ж.Лакан; пер. с фр. А.Черноглазовой. — М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 2014. — 432 с.
27. Латур Б. Как говорить о теле? Нормативное измерение исследований науки / Б.Латур // Метаморфозы телесности: сб. ст. СПб.: РХГА, 2015. — С. 250-287.
28. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Б.Латур. — СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. — 380 с.
29. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б.Латур; пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 435 с.
30. Латур Б. Политика природы. / Б.Латур; пер. с фр. Д.Я. Калугина // Неприкосновенный запас. — 2006. — № 2 (46). — С. 11-29.
31. Ле Гофф Ж. История тела в Средние века / Ж.Ле Гофф, Н.Трюон. — М.: Текст, 2016. 189 с.
32. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии / А.Ф.Лосев. М.: Мысль, 1993. 432 с.
33. Макбрайд Х.Л. Мудрость тела / Хиллари Л.Макбрайд. — М.: Эксмо, 2020. — 320 с.
34. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / М.Мерло-Понти. — М.: Ювента; Наука, 1999. — 591 с.
35. Мерло-Понти М. Знаки / М.Мерло-Понти. — М.: Искусство, 2001. — 429 с.
36. Можайко М.А. Тело без органов. Новейший философский словарь / М.А. Можайко; под ред. А.А. Грицанова. — Мн.: Книжный Дом. 2003. — 1072 с.
37. Молл А. Множественное тело / А.Молл. — Пермь: Гиле пресс, 2017. — 254 с.

38. Мулен А. М. Тело с точки зрения медицины. История тела. Т. 3. Перемена взгляда: XX век / А. М. Мулен; под ред. А. Корбена, Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вигарелло. — М.: НЛО, 2016. — С. 11-36.
39. Ницше Ф. В. «Так говорил Заратустра» / Ф. В. Ницше. — М.: АСТ, 2015. — 416 с.
40. Платон. Диалоги / Платон. — М.: Академический проект, 2015. — 367 с.
41. Подорога В. А. Тело без органов. Философия: Энциклопедический словарь / В. А. Подорога; под ред. А. А. Ивина. — М.: Гардарики, 2004. — 1072 с.
42. Рахманинова М. Власть и тело / М. Рахманинова. — М.: издательство «Радикальная теория и практика», 2020. — 432 с.
43. Рибейро Э. Мода и мораль / Э. Рибейро; пер. с англ. Г. Граевой. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 264 с.
44. Самые яркие высказывания Карла Лагерфельда // Сноб. [Эл. ресурс]. URL: <https://snob.ru/entry/172686/> (дата обращения 10.04.2023)
45. Сибрук Дж. Nobrow. Культура маркетинга. Маркетинг культуры / Дж. Сибрук. — М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. — 240 с.
46. Татаркова Д. Сэр пол: 10 андрогинных рок-звезд / Д. Татаркова // Wonderzine. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/entertainment/music/201819-girls-who-are-boys-who-like-boys-to-be-girls> (дата обращения 30.04.2023)
47. Тело — это просто тело: что такое бодипозитив и бодинейтральность // Forbes [Эл. ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/466195-telo-eto-prosto-telo-cto-takoe-bodipozitiv-i-bodinejtral-nost> (дата обращения 28.04.2023)
48. Типичная анорексичка // Социальная сеть VK. [Эл. ресурс]. URL: https://vk.com/i_typical_anorexic (дата обращения 28.04.2023)
49. Торопова А. А. Европейский проект конструирования новой телесности: теломутант, тело-без-органов, агендерное тело / А. А. Торопова // Философия и культура. 2020. №1. — С. 56-75.
50. Осознанное питание // Профессиональная помощь людям с расстройствами пищевого поведения. [Эл. ресурс]. URL: <https://xn-->

80aaobgib9abaddafqx1a.xn--p1ai/mirovaya-statistika-rasstroystv-pischevogo-povedeniya/ (дата обращения 28.04.2023)

51. Уилсон Э. Облаченные в мечты / Э. Уилсон; пер с англ. Е. Демидовой, Е. Кардаш., Е. Ляминой. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 288 с.
52. Филиппова М.В. Одержимость телом в современной культуре повседневности: идентификация, свобода и границы телесности / М.В. Филиппова // 1-й Молодежный конвент. Международная студенческая конференция “Многомерность общества: человек в социальном взаимодействии”. Екатеринбург, 2017. С.133-139.
53. Филиппова М.В., Юрлова С.В. Актуальное искусство как отражение «Новой телесности» / М.В. Филиппова, С.В. Юрлова // STUDIA CULTURAE. Т.3. 2017. №33. С. 81-89.
54. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Раб.разн. лет / М. Фуко. — М.: Касталь, 1996. — 448 с.
55. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко; пер. с франц. С.Ч. Офертаса под общей ред. В. П. Визгина, Б. М. Скуратова. — М.: Праксис, 2002. — 384 с.
56. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. — М.: Ad Marginem, 2015. — 416 с.
57. Фуко М. Ненормальные: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году / М. Фуко. — Спб.: Наука, 2005. — 432 с.
58. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. / Д. Харауэй // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970-2000. / Пер. с англ. Л.М. Бредихиной. Под ред. К. Дипуэлл. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. — С. 322-377.
59. Харви Дж. Люди в черном / Дж. Харви. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. — 304 с.
60. Эленовиц-Хесс К. Даже болезни могут идти на пользу моде: реакция американской модной индустрии на пандемию в 1918 и 2020 годах / К. Эленовиц-

- Хесс // «Новая норма». Гардеробные и телесные практики в эпоху пандемии; под ред. Л.Алябьевой. — М.: НЛЮ, 2021. — С. 35-49.
- 61.Энтуисл Дж. Модное тело / Дж.Энтуисл; пер. с англ. Е.Демидовой. —М.: Новое литературное обозрение, 2019. — 392 с.
- 62.15 глупых вопросов о расстройстве пищевого поведения // ENTER [Эл.ресурс]. URL: <https://entermedia.io/people/15-glupyh-voprosov-o-rasstrojstve-pishhevogo-povedeniya/> (дата обращения 28.04.2023)
- 63.A Visible Man by Edward Enniful // BBC Radio [Эл. ресурс] URL: <https://www.bbc.co.uk/programmes/m001byjg> (дата обращения 02.05.2023)
- 64.Bartky S. Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression / S.Bartky — N.Y.: Hachette Book Group, 1990. — 156 p.
- 65.Blackman L. The Body. The Key Concepts / L.Blackman. — Oxford: Berg, 2008. — 168 p.
- 66.Clegg S. Frameworks of Power / S.Clegg. — N.Y.: Sage Publications, 1989. — 297 p.
- 67.Connell R.W. Gender and Power. Society, the Person, and Sexual Politics / R.W. Connell. — R.C.: Stanford University Press. — 352 p.
- 68.Edward Enniful on Vogue, Gen Z and what makes a great editor // Vogue Business. [Эл. ресурс]. <https://www.voguebusiness.com/companies/edward-enniful-interview-editor-in-chief-british-vogue> (дата обращения 02.05.2023)
- 69.Haraway D. Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective / D.Haraway // Studies Feminist. 1988. Vol. 14. № 3. — P. 575-599
- 70.Ladies' Home Journal. The Curtis Publishing Company.1921. January // Internet Archive. [Эл. ресурс]. URL: <https://archive.org/details/zYX5LaziesYC/page/n151/mode/1up?view=theater> (дата обращения 28.04.2023)
- 71.Latour B. Body, Cyborgs and the Politics of Incarnation B.Latour //The Body; eds. S. T. Sweeney, I. Hodder. — N.Y.: Cambridge University Press, 2002. — 238 p.
- 72.N+1 // Научный журнал. [Эл.ресурс]. URL: <https://plusone.ru/sustainability/bodipozitiv?>

[utm_source=web&utm_medium=article&utm_content=link&utm_term=scroll](#)

(дата обращения 27.02.2023)

73. Playtime With Harry Styles // Vogue. 2020. November [Эл. ресурс]. URL:

<https://www.vogue.com/article/harry-styles-cover-december-2020> (дата обращения 30.04.2023)

74. Purple MAGAZINE. 2010. №13 [Эл. ресурс]. URL: [https://purple.fr/magazine/ss-](https://purple.fr/magazine/ss-2010-issue-13/freja-beha-erichsen/)

[2010-issue-13/freja-beha-erichsen/](https://purple.fr/magazine/ss-2010-issue-13/freja-beha-erichsen/) (дата обращения 13.04.2023)

75. Taylor C. The Routledge Guidebook to Foucault's The History of Sexuality / C. Taylor. — New York: Routledge, 2017. — 258 p.

76. Taylor R.N. The Body Is Not an Apology: The Power of Radical Self-Love / R.N. Taylor. — N.Y.: Penguin Random House, 2017. — P.123

77. Victoria's Secret is overhauling its image. Is it enough to regain relevance? // CNN

Style. [Эл. ресурс]. URL: <https://edition.cnn.com/style/article/victorias-secret-rebrand-vs-collective/index.html> (дата обращения: 28.04.2023)

78. Victoria's Secret Swaps Angels for 'What Women Want.' Will They Buy It? //

New Time. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2021/06/16/business/victorias-secret-collective-megan-rapinoe.html> (дата обращения 28.04.2023)

79. Vogue. 1919. May 15 // VOGUEARCHIVE. [Эл. ресурс]. URL: [https://](https://archive.vogue.com/issue/19190501)

archive.vogue.com/issue/19190501 (дата обращения 09.04.2023)

80. Yazemeenah Rossi, cuando la belleza trasciende // Vogue. [Эл. ресурс]. URL:

<https://www.vogue.es/belleza/articulos/yazemeenah-rossi-modelo-belleza-meditacion-bienestar> (дата обращения 02.05.2023)